Места без поцелуев

Автор:
Мария Жукова-Гладкова

Места без поцелуев

Мария Жукова-Гладкова

Садясь в поезд, ни Лена Филатова, ни ее попутчица не могли предположить, что на верхней полке их купе лежит не загулявший пьяница, а – покойник. Резкий толчок – и мертвое тело падает на перепуганных пассажиров… это было первое предупреждение. Не просто переводчица фирмы «Сапфир», но и девушка для особо деликатных поручений, Лена оказалась в самом центре разборок между фирмами, делящими сферы влияния в международном бизнесе. Один неосторожный шаг – и гибель неизбежна…

Мария Жукова-Гладкова

Места без поцелуев

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными и сходство с реальными лицами и ситуациями может оказаться лишь случайным.

Глава 1

Сергей возвращался домой, в Питер, из очередной командировки в столицу. Как ему надоело мотаться по стране! Но командировка в Москву – это все-таки не поездка в какую-нибудь тьмутаракань. А ведь сколько раз приходилось бывать в

таких местах, о которых никто из знакомых и родственников слыхом не слыхивал.

Пришедший молодым специалистом в проектный институт, Сергей по глупости ляпнул начальству – мол, готов к любым командировкам. Думал, дурак, страну посмотреть, хотя бы «эту» – из режимного предприятия он, естественно, был невыездным. Знал бы, в какую глухомань забираться придется… Какие там достопримечательности и исторические места?! Уже радовался, когда «удобства» находились не на улице. В молодости он крепко пил – что еще делать в таких поездках? Потом взял себя в руки, сообразив, что катится по наклонной плоскости. Теперь «принимал» совсем по чуть-чуть и только в крайнем случае – на очень ответственных переговорах. Потому как бизнес без рюмки иногда просто невозможен.

Вот уже несколько лет Сергей Куприянов работал не в советском проектном институте, а на частной фабрике по производству колбасных изделий под названием «Бифпорк Продакшн» в должности коммерческого директора. Фабрика располагалась в подвале и на первом этаже того же самого проектного института, где Сергей начинал свою трудовую деятельность.

Проектный институт, преобразованный в акционерное общество «Сапфир», сдавал свои площади всевозможным фирмам и фирмочкам, благо места было в достатке. Крупнейшими арендаторами являлись банк «Купчинский кредит», полностью занявший вторую площадку «Сапфира», расположенную недалеко от станции метро «Купчино», и фабрика «Бифпорк Продакшн», находившаяся в главном здании, или, как его еще называли, «Площадке № 1». Президент акционерного общества был человеком не простым, как теперь говорят, «серьезным», имел немалую долю и в банке, и в фирме, где трудился Куприянов. Как, впрочем, и во многих других предприятиях, акционером или собственником которых являлся.

С генеральным директором «Бифпорк Продакшн» Константином Павловичем Романовым по кличке Окорок – на кличку тот отзывался, ни на кого не обижаясь, – отношения у Сергея сложились прекрасные – и рабочие, и чисто человеческие. Куприянов часто думал, что впервые в жизни ему с начальником крупно повезло. Окорок, как нередко бывает с людьми очень «крупных» размеров, был человеком широкой души – щедрым, радушным, любил хорошо поесть, выпить, песню спеть, а также любил женщин, баню и русскую природу. Однако Романов умел не только отдыхать, но и работать, поэтому и уважал тех,

кто хорошо трудился.

Они с Сергеем сразу же нашли общий язык и понимали друг друга с полуслова. Окорок по командировкам ездить не любил, тяжело было ему передвигаться с его-то габаритами; он управлял производством из своего кабинета, где вся мебель была под стать хозяину – специально заказывалась у кого-то из многочисленных приятелей Романова. Куприянов же мотался по городам и весям, договариваясь о закупках нового оборудования, поставках сырья, сбыте продукции. Но теперь в отличие от доперестроечных времен он знал, для чего работает. Окорок платил щедро. Вообще по доброй воле от Окорока еще никто не уходил. Случалось, Романов увольнял, причем на прощение рассчитывать не приходилось. При приеме нового человека Константин Павлович сразу же предупреждал: сам он – человек пьющий, но на работе себе этого никогда не позволяет (что соответствовало действительности) и от других того же требует. Мягкий и добродушный на вид, Окорок мог в случае необходимости продемонстрировать железную волю и твердость характера.

Пока было только два случая увольнения за пьянку, о которых знал Куприянов. Тогда он и увидел, каким жестким может оказаться Окорок. Это поняли все, потому и зарубили себе на носу: с шефом шутки плохи. Работаешь – будешь получать соответственно своему вкладу, придуриваешься или разгильдяйничаешь – возьмут другого.

На этот раз Куприянов возвращался с выставки торгового оборудования. Решили они обновить производство, запустить новые виды продукции; вот и ездил Сергей в Москву смотреть, что предлагают западные фирмы. Устал за три дня ужасно, но завел много полезных контактов, набрал визиток и рекламных проспектов, которые им с Романовым предстояло изучить и принять какое-то решение.

Подходя к своему третьему вагону, Сергей на платформе раскрыл портфель, нажал на кнопку, включающую запись (если уж приказали – надо делать, пусть слушают, если им так хочется, – хотя кто будет говорить о серьезных делах в купе, в особенности если там незнакомый человек едет?), и приготовил билет.

Сергея обычно мало интересовали попутчики, даже сейчас, когда ему велели записать все разговоры. Входя в купе, он сразу же ложился спать и открывал глаза только утром, перед самым прибытием поезда на вокзал.

В Москву он всегда ездил на «Красной Стреле» и брал себе верхнюю полку – чтобы никто не мешал, сидя на нижней. Лег – и спишь себе спокойно. На сей раз билет он покупал не сам, однако все получилось как по заказу – второй поезд, четырнадцатое – верхнее – место.

Он оказался первым в своем четвертом купе третьего вагона. Только Сергей собрался прикрыть дверь в коридор, чтобы переодеться в спортивный костюм, как вошла холеная полная дама лет пятидесяти, с бриллиантами в ушах и на пухлых пальцах. Поздоровалась – и плюхнулась на тринадцатое место.

– Уф! – сказала дама. – Ну и устала же я… как собака. В моем-то возрасте бизнесом заниматься… И еще тринадцатое место ко всему в придачу. Но, слава богу, домой еду, а то бы ни за что не села – разве можно ехать заключать сделку на тринадцатом месте?

Куприянов молча пожал плечами. Потому как не верил в приметы. И на полную даму с ее проблемами ему тоже было наплевать. Ему хотелось лишь одного – чтобы она замолчала. Или хотя бы поскорее пришли остальные пассажиры – пусть мадам переключится на них.

Дама продолжала говорить – жаловаться на судьбу. Несчастная пожилая женщина (наверное, хотела, чтобы Куприянов стал ее убеждать в обратном), на плечи которой взвалили такой груз, что и атланты бы не выдюжили.

Но дама, однако же, выдерживала. Сергею подумалось, что на ней бы пахать и пахать… Десяток лошадей заменила бы. Или пропеллер вставить в одно место – завертелся бы от избытка энергии. И от бедности мадам явно не страдала – в одном ухе блистала считай что дача, в другом – машина. А то, что сверкало на пальцах, тянуло на квартиру где-нибудь на Садовом кольце, в районе Патриарших прудов.

– А вы не утомились? – спросила дама.

Куприянов не слушал, о чем она говорила, так что ответить не мог.

– Простите… – пробормотал он. – Я могу попросить вас выйти на минутку? Мне надо переодеться. Я сразу же лягу и не буду вас больше беспокоить.

Дама надула губы. Однако встала и уже собралась выйти, когда в дверном проеме появились трое молодых людей – двое поддерживали третьего, висевшего у них на руках. В купе сразу же запахло спиртным.

Дама скорчила гримасу. Куприянов тоже поморщился: конец октября, окно не откроешь, да и в самое теплое время года открывать его нежелательно (если вообще возможно): может здорово продуть. Он сразу же вспомнил, как несколько лет назад ехал во Владимир в июльскую жару, когда на улице было не продохнуть, и они с попутчиками страшно обрадовались, что в их купе наполовину поднято окно. Потом Сергей две недели провалялся в постели, проклиная тот поезд.

– Вы уж извините нашего друга, господа, – говорил один из тех, кто привел пьяного, парень лет двадцати пяти бандитского вида, – просто так получилось. Но он вам мешать не будет, гарантируем. Ляжет – и проспит до Питера. У него верхняя полка. Мы его сейчас уложим.

Пьяный попутчик Куприянова повис на одном из своих друзей, уткнувшись лицом ему в плечо. Казалось, он вот-вот рухнет на пол. «Даже не мычит, – подумал Сергей. – Ну и ужрался парень».

– Вы не могли бы выйти на секундочку? – спросил один из троицы. – Мы его быстренько разденем и уложим. Билет у проводника, так что у вас больше никаких беспокойств не будет. Гарантируем.

«Любимое слово у него, что ли? – промелькнуло у Куприянова. – Или настолько привык безопасность гарантировать своим подопечным бизнесменам, что просто не в состоянии говорить по-другому?» Внешний вид трезвых парней безошибочно свидетельствовал о роде их деятельности; пьяный же больше походил на «подшефного» бизнесмена.

– Всю ночь пары алкогольные на нас выпускать будет, – проворчала дама.

– Пары все кверху поднимаются, – ответил все тот же парень примирительным тоном. Второй, поддерживавший пьяного, молчал. – У вас же нижняя полка? И вентиляция какая-никакая имеется. Да и поезд тронется – продувать начнет. Гарантируем. Вы уж простите его. Случается…

– Ладно, мужики, только давайте побыстрее, – сказал Куприянов. – Я тоже хочу переодеться и спать лечь. Вторая верхняя у меня. А мне, в общем-то, не привыкать. – Он едва заметно улыбнулся.

– Спасибо, браток, – похлопал его по плечу один из парней. – Мы мигом управимся. Сумку его под нижнюю полку поставим. Если утром искать начнет – скажешь ему?

– Обязательно, – кивнул Куприянов и вышел в коридор вслед за дамой.

Ребята действительно управились быстро. Еще раз извинившись, ушли. Пальто и костюм пьяного висели на вешалке, остальная одежда была сложена на сетке над его местом. Сам он лежал на животе, повернувшись лицом к стене. Одеяло прикрывало его до затылка.

Куприянов переоделся, открыл дверь даме и тоже лег. Дама долго возилась внизу.

* * *

Лена Филатова опаздывала на поезд. И еще третий вагон! Как некстати. Столько бежать вдоль состава. Она всегда просила дать ей последний – потому что обычно запрыгивала уже чуть ли не на ходу. Утром уж как-нибудь пройдется – как раз и проснется заодно. А тут, как назло, третий. Но кассирша уж больно стервозная попалась. Наверное, специально постаралась насолить. Сидела там в своем «аквариуме», мымра старая, на жизнь озлобленная.

Томас ни в какую не желал ее отпускать. Еще бы – такая женщина! Интересно было бы посмотреть на мужчину, который бы хотел ее отпустить. И который на нее никак не отреагировал. А если бы хоть один из ее клиентов знал, чем она владеет… Кроме искусства профессионально ублажать мужчин. Вклад Валентина Петровича окупился сторицею. Воплотил он в Лене свою голубую мечту – подготовить сотрудницу экстра-класса, помогавшую ему в осуществлении всех его многочисленных проектов.

Их встреча с Валентином Петровичем, можно сказать, произошла случайно: бывший ученик (Валентин Петрович) зашел навестить свою бывшую учительницу

(бабушку Лены), узнав, что та вместе с внучкой, тогда еще школьницей, живет рядом с его очередной подругой и что недавно в автомобильной катастрофе погибли ее единственная дочь и зять – родители Лены.

Проституткой Лена себя никогда не считала, как и никто из ее клиентов, уверенных в том, что просто произвели на девушку колоссальное впечатление; хотя, по большому счету, она ею являлась – проституткой очень высокой квалификации, со свободным владением пятью языками – финским, шведским, датским, английским и немецким – и весьма эрудированной. Она могла говорить с клиентами – а все они были или партнерами, или заказчиками, или поставщиками, или… в общем, кем-то по отношению к Валентину Петровичу (такая была у них с Леной договоренность, и работала Лена только на него) – о чем угодно: о спорте и живописи, ситуации на рынке ценных бумаг и архитектуре, гальванике и новых театральных премьерах, экзотических странах и античной литературе. Вариант русской гейши.

С Леной специально занимались разные специалисты, в том числе тренер по айкидо и несколько бывших разведчиков. Лена умела пользоваться огнестрельным и холодным оружием (слава богу, пока не приходилось), регулярно тренировалась на стрельбище и в спортзале, могла подключиться к телефонной сети, установить, найти и обезвредить «жучки», профессионально произвести обыск вещей клиента. Она обычно держала наготове два фотоаппарата (не «мыльницы», естественно) и кое-какие электронные «игрушки», о существовании которых молодые красивые девушки обычно даже не догадываются.

Сейчас Лена спешила к своему третьему вагону, на бегу доставая из сумочки билет, чтобы сразу же вручить его проводнику. У входа в вагон стояли несколько человек. Она не смогла сразу же остановиться, проскользила по обледеневшей платформе и врезалась в двоих выходящих из двери провожающих – молодых, накачанных парней бандитского облика, этаких рядовых «быков», как она сразу же определила опытным взглядом.

– Куда спешишь, красавица? – спросил один из них.

– Эх, хорошо бы, Андрюха, и нам с тобой сегодня на «Красной Стреле» прокатиться! Девушка, а может, в Москве останетесь?

– Мальчики, муж суровый дома ждет! – профессионально улыбнулась Лена, зная, что мужчинам всегда приятна улыбка красивой женщины. – Не могу не вернуться! Но, может быть, в следующий раз, в Москве…

– Так, может, тебе адресок оставить, красавица, чтобы позвонила…

– Девушка, вы садитесь или нет? – спросил пожилой проводник.

Лена высвободилась из крепких объятий, послала ребятам воздушный поцелуй и запрыгнула в вагон. У нее было пятнадцатое место.

* * *

Она рывком открыла дверь купе и увидела разбирающую свою сумку женщину лет пятидесяти, холеную, увешанную бриллиантами и одетую в очень дорогую стильную одежду. Из банка или управления торговли, решила Лена. На двух верхних полках лежали мужчины – один уже, похоже, спал, отвернувшись к стене, второй приподнял голову, посмотрел на Лену и снова рухнул на подушку. В купе крепко разило спиртом – спящий, несомненно, был в стельку пьян.

Лена шепотом поздоровалась с попутчицей с тринадцатого места.

– Чувствуете запашок? – вместо приветствия сказала дама. – Можно подумать, в вытрезвителе едем, хрен-блин. Надо бы устроить в наших поездах спецвагоны. Грузить бы туда вот таких. – Дама кивнула на шестнадцатое место на верхней полке.

– Да уж, запашок не в кайф, – согласилась Лена. – Может, дезодорантом побрызгать?

Дама заявила, что еще хуже станет. Лучше уж дверь в коридор открыть: поезд скорость наберет – продувать все-таки будет.

– А вы не боитесь спать с открытой дверью? – удивилась Лена, уставившись на бриллианты попутчицы.

Дама перехватила ее взгляд, криво улыбнулась и ответила:

– Что ж, в таком случае придется не спать. Ладно, посмотрим. Будем надеяться, что выветрится. Не понимаю, как можно так нажираться. Ведь за километр разит!

– Просто мы находимся в замкнутом пространстве, – с невозмутимым видом заметила Лена. – Да и у него, наверное, запой. – Она кивнула в сторону пьянчуги. – Может, еще и на одежду что-то пролилось. – Лена пожала плечами и добавила: – Ничего, доедем как-нибудь. Ехать-то всего одну ночь.

Дама кивнула.

Лена повесила свою коричневую норку на вешалку, сразу же отметив про себя, что такого канадского енота, как у попутчицы, ей видеть еще не приходилось. Затем приготовила лосины, футболку с длинным рукавом, косметичку, подняла свою полку и поставила сумку рядом с большой черной, видимо, принадлежавшей их хмельному попутчику. Сумочку из ската, по размеру значительно превышающую средние дамские (как же – вечно приходилось таскать с собой какие-то факсы и письма!), купленную в Таиланде, сунула под подушку. Лена посмотрела на верхнюю полку напротив: мужчина, похоже, уже заснул. Не стесняясь дамы, она переоделась, повесила костюм и блузку на вешалку и зажгла свет у себя над полкой.

– Как вас зовут? – спросила дама.

– Лена.

– А меня Вера Григорьевна, можно просто Вера, – представилась попутчица. – Я, конечно, вам в матери гожусь, Леночка, но все равно называйте меня Вера. Так моложе себя чувствуешь.

Вера Григорьевна вздохнула.

Лена прекрасно понимала, что хочет услышать попутчица, и пролила бальзам на рану: никогда не знаешь, кто может тебе пригодиться, всегда лучше сразу же привлечь нового знакомого на свою сторону, тем более Вера Григорьевна

конкуренцию ей составить никак не могла; а иметь женщину (которые Лену на дух не переносили) в союзницах всегда хорошо. Ведь, возможно, пути их еще пересекутся когда-нибудь и где-нибудь.

– Ну что вы прибедняетесь, Вера! – воскликнула молодая женщина. – Вы прекрасно выглядите. Сразу видно, что следите за собой. Это очень важно. У вас прекрасная кожа, стильные, со вкусом подобранные вещи. На вас просто нельзя не обратить внимания.

– Спасибо, Леночка, – расцвела Вера Григорьевна – лесть почти всегда приятна.

Вера Григорьевна переоделась в махровый халат, вытащила из сумки коробку апельсинового сока, бутылку коньяка и конфеты «Ферреро Роше».

– Будете, Леночка? – спросила Вера Григорьевна. – А то тут такая вонь, что не выпить просто невозможно.

Лена с трудом удержалась от смеха. Ну что ж, решила она, раз уж так разит сивухой, будем спасаться благородным напитком – коньяк оказался французский, баксов на сто пятьдесят тянул, судя по этикетке на бутылке.

– Буду, – кивнула Лена.

Она подумала, что в самый раз расслабиться после этого Томаса, кретина шведского. Вот уж пришлось потрудиться, чтобы вытянуть из него то, что интересовало Валентина Петровича. Но Лена точно знала: всей информации она так и не получила; у нее создалось впечатление, что и Томас преследовал те же цели, что и она… А потом эта странная фраза на непонятном языке, которую он произнес во сне…

С клиентами Лена никогда не могла себе позволить принять лишнего: работа есть работа. И вообще, выпить ей было просто не с кем – подруг у нее не имелось, только коллеги по работе, но рангом гораздо ниже (если Лена у Валентина Петровича числилась кем-то вроде полковника внешней разведки, то девчонки тянули лишь на лейтенантов, ну, может, Психологиня – на капитана). К тому же родная тетя, сидевшая с Лениным сыном Вовчиком, постоянно напоминала племяннице, что той пить не следует с ее-то наследственностью: отец Лены и брат тетушки, Людмилы Ивановны, крепко закладывал и

отправился на тот свет, врезавшись на машине в столб – возвращался пьяным из гостей, кстати, именно от тети Люси, отчего та все последующие годы чувствовала себя виноватой.

Нередко бывает, что случайному попутчику человек говорит то, чего никогда не скажет закадычному другу, – например, расскажет всю историю своей жизни с такими деталями, что знакомые рассказчика едва ли ему поверили бы. Со случайным попутчиком можно напиться, излить душу, выслушать его. Правда, относится это лишь к российским путешественникам. Трудно, например, представить чопорного англичанина, рассказывающего другому жителю туманного Альбиона про то, что вот только к третьей жене ему идти хочется, а две предыдущие…

– Стаканов, жаль, нет, – посетовала Вера Григорьевна.

– Сейчас я к проводнику схожу, – предложила Лена.

С проводницей, если бы вдруг в третьем вагоне «Красной Стрелы» в ту октябрьскую ночь ехала женщина, у Лены, может, ничего и не получилось бы, но с мужчинами разговаривать она умела. Несколько раз хлопнуть ресничками, обворожительно улыбнуться, подмигнуть, пообещать «граммулечку» – и они с Верой обзавелись стаканами.

Пока Вера разливала коньяк, Лена вернулась к проводнику с обещанной «граммулечкой» и вкусной конфетой. Проводник выпил, крякнул, утер усы и поинтересовался, у них ли в купе «этот алкаш». Посочувствовав бедным женщинам, согласился, что «клин клином надо вышибать», и предложил обращаться к нему «в случае чего».

Лена вернулась в купе.

– Чего ты так долго? – спросила Вера, перейдя на «ты». – Я уже заждалась. Невмоготу – выпить хочется. Хоть как-то перебить эту вонь. – Она кивнула на шестнадцатое место.

– Да надо было старику глазки состроить – вдруг нам еще что-нибудь понадобится… – ответила Лена.

– Ладно, давай за знакомство.

* * *

Женщины проговорили полночи. Как оказалось, Вера Григорьевна ездила в Москву встречаться с директором конного завода с Урала. Она, в дополнение к нескольким своим способам добывания денег, собралась еще заняться и поставкой племенных лошадей северным соседям – в Финляндию. Породистых собак она уже с успехом туда доставляла, а теперь решила расширить круг деятельности. До этого занималась поставками леса, но по каким-то причинам (Вера не уточняла, по каким именно) разругалась с директором «лесопилки».

– А почему в Финляндию? – спросила Лена. – Потому что рядом?

– Так получилось, – Вера пожала плечами, сама толком не помня почему. Вот именно: так получилось. – А потом я практически сразу же там мужа себе подыскала – ну и пошло-поехало. Проще же к мужу ездить, чем какое-нибудь СП создавать.

– У вас муж – финн?

– Да он уже помер, – махнула рукой Вера. – Спился. Как и два предыдущих, вернее, первый и второй. Третий не спился, хотя тоже здорово уважает это дело. И, думаю, не сопьется, раз уж его до сих пор не скрутило. Финн четвертым по счету оказался. Думаю, не последним.

Вера усмехнулась, вспоминая свою бурную жизнь. Лене попутчица начинала нравиться все больше и больше.

– Давно умер-то? – спросила Лена.

Вера пожала плечами и заявила, что точно не помнит – то ли полгода, то ли месяцев восемь назад.

Лена в удивлении приподняла брови.

– Леночка, милая, это был брак по расчету, – пустилась в объяснения Вера Григорьевна. – Ну на черта мне алкоголик, да еще финский? Наших, что ли, мало у каждого пивного ларька стоит? К тому же после моих предыдущих законных, да и незаконных тоже, я их за километр чую.

– Но вы же все-таки вышли за него замуж…

Вера вышла за него, чтобы проще было товар в Финляндию гнать. Сразу же за Юрки ухватилась, как познакомилась: пьяница, безработный, жил на пособие. Она его содержать стала. Он доволен, она довольна. Все в выигрыше.

– А не жалко его-то? – спросила Лена.

Вера Григорьевна снова пожала плечами.

– Откровенно говоря, не особо. Если понадобится, я еще одного себе такого же найду. В Финляндии их пруд пруди. Да я опять не в проигрыше. Он помер – я штуку баксов в месяц получаю, на ребенка пособие.

– У вас от финна ребенок?

– Да не от финна, – сказала Вера Григорьевна. – И не ребенок, а внук.

Лена удивилась – разве финны и на внуков платят? Но она уже прокручивала в голове вариант временного замужества с кем-то из Финляндии – после обсуждения с Валентином Петровичем, естественно. Тем более она ведь наполовину финка – отец был финн, из обрусевших, правда, а фамилию Лене дали материнскую – родилась она в те времена, когда было лучше иметь русские и фамилии, и имена, и отчества.

– Объясняю, – сказала Вера. – У меня есть дочь. У дочери есть сын. Дочь в США. Там приискала себе греческого судовладельца.

– Не Онассиса ли случайно? – спросила Лена со смехом.

– Онассис уже помер, да и его до моей Катьки прихватить успели. Бывшая президентша американская. Но моя Катька тоже не лыком шита. Словом, моя

дочь, – с гордостью заявила Вера Григорьевна и снова наполнила стаканы. – Давай-ка за ее здоровье тяпнем.

Вера Григорьевна продолжала рассказ:

– Катькин Константинос – ничего мужик. Прибацанный, конечно, как все американцы, хоть он и грек.

Лена поняла, что Вера Григорьевна уже сильно опьянела, но продолжала внимательно слушать попутчицу, потому что всегда мотала на ус новую информацию, а от Веры Григорьевны, как решила Лена, можно почерпнуть много интересных сведений, которые, не исключено, когда-нибудь пригодятся. И вообще, почему бы действительно не сходить замуж за финна?

Катька, значит, быстренько окрутила попавшегося ей грека. Но нельзя же было сказать греку, что у нее сын в России остался? Вдруг бы тогда не женился? И он все талдычил, что ему чистая, непорочная девушка нужна. Если б Катька ему призналась, что у нее в России ребенок, – может, грек и сошел бы с дистанции. А такой вариант упускать очень не хотелось.

– А она зачем в США ездила? – поинтересовалась Лена.

– Да просто прошвырнуться. Мир посмотреть. Себя показать. По магазинам походить, – пожала плечами Вера Григорьевна.

Как решила Лена, это был любимый жест попутчицы.

– И показала? – улыбнулась Лена.

– Естественно! – воскликнула Вера Григорьевна. – Разве какие-то там американки или немки могут с нами, с русскими бабами, сравниться? То-то на наших девчонок спрос такой по всему миру. Да чего я тебе рассказываю? Сама небось в курсе.

Уж по этому-то вопросу Лена точно была в курсе. Она знала, как любят русских и скандинавы, и немцы, и американцы. Могла судить, по крайней мере, по тем, кто приезжал к Валентину Петровичу. Сколько мужчин ее с собой в свои заграницы

звали… Только Лена прекрасно знала: так хорошо, как в России, ей нигде не будет. И не сможет она там жить ни с каким Джоном, Францем или Томасом. Потому и предпочитала Иванов всем иностранцам, хоть и приходилось работать всегда только с «буржуями», а из русских парней у нее за всю жизнь был только один Святослав…

– Давай за нас, за русских баб, выпьем, хоть я теперь и мадам Хилтунен, – предложила Вера Григорьевна. – Ты не боись, у меня еще одна бутылка есть.

Вера Григорьевна вернулась к истории своей жизни.

Степашка, внук Веры, остался в России с бабушкой. Да в общем-то Катька им никогда и не занималась. Она родила, когда в университете училась, и Вера сразу же няню наняла. Затем Катька в США уехала. Степа так и остался с няней. Потом, когда грек замаячил на горизонте у дочери, а мать как раз за Юрки замуж вышла, у Веры появилась шальная идея. Вера Григорьевна, конечно, вопрос вначале детально изучила, потому что вообще ни за что не бралась, пока вопрос детально не изучит.

Лена кивнула. Она тоже всегда старалась вначале выяснить все аспекты нового предприятия. И нового задания Валентина Петровича. Потраченное перед началом работы время обычно окупается сторицею.

– Знаешь, Леночка, какой у меня штат работников? – спросила Вера Григорьевна.

Лена покачала головой. Ну откуда ей знать?

Никакой официальной фирмы у Веры Григорьевны не было. Просто на нее трудилось множество разных людей. Два адвоката – международник и «внутренник», как она его назвала. Шофер свой: Вера машину по молодости водила, но в последние годы что-то вдруг дороги бояться стала, не знает почему, и отвлекается постоянно – то одну сделку обмозговывает, то другую. Да и старая она уже стала для вождения. Реакция не та.

– Ну что вы, Вера… – возразила Лена.

Вера Григорьевна махнула рукой.

Свой банкир в валютном отделе одного крупного банка, таможенники, имеются свои люди во многих мелких инстанциях, куда ей приходится время от времени обращаться, плюс няня Степашки, повар, уборщица, священник и ясновидящая.

Лена во все глаза смотрела на попутчицу.

– Если не ошибаюсь, то двое последних вроде бы самоисключающие… понятия. Ведь церковь…

– Лена, не будь так наивна, – перебила Вера Григорьевна. – Ни в какого бога я не верю и считаю, что религия – удел слабых и больных. Просто для поддержания определенного имиджа сейчас нужно иметь своего священника. Я вращаюсь в таких кругах, где у каждого есть свой духовный наставник. Положено его иметь – вот я и имею. Я же не могу допустить, чтобы у всех были, а у меня – нет? Правильно?

– Правильно, – кивнула Лена.

Этот язык она понимала прекрасно – тоже не могла допустить, чтобы у кого-то из коллег появилась новомодная вещица, которой сама не имела. Когда пошла мода на ската, Лена в лепешку разбилась, но первая из всех своих знакомых оказалась с черной сумочкой с огромным количеством белых «глазков» – именно по количеству глазков судили о престижности сумки.

– Ну так вот… – продолжала Вера Григорьевна. – От этого отца Игоря толку, конечно, никакого, а от ясновидящей – другое дело.

Лена, которая никогда в жизни не обращалась ни к гадалкам, ни к магам, удивилась.

– А ты не веришь? – в свою очередь изумилась Вера Григорьевна.

Лена сделала неопределенный жест и промолчала в ожидании продолжения рассказа.

Вера обещала познакомить молодую попутчицу с ясновидящей, которая еще и астрологией занимается. Вере Григорьевне все сделки просчитывает. Вера ни за

что не берется, не посоветовавшись с этой дамой. Правильность предсказаний у нее – процентов девяносто. Так что Леночка зря астрологию и ясновидение игнорирует. Предвидение будущего здорово помогает в делах. Вера поинтересовалась, кто Лена по гороскопу.

– Козерог.

Вера Григорьевна внимательно посмотрела на попутчицу.

– Ты знаешь, какие обычно бывают женщины-козерожки?

– Читала, – призналась Лена. Как можно было пропустить мимо себя тот поток информации на астральные темы, который хлынул в последние годы?

– Ну и что? Неужели ничего не сходится?

Лена была вынуждена признать, что многое сходится.

– Вот именно! А если рассчитать еще и твой индивидуальный гороскоп, то вообще очень интересная картина получится. Ты знаешь час своего рождения?

– Нет, – покачала головой Лена.

– Твоя мать жива?

– Родители погибли в автокатастрофе тринадцать лет назад, – ответила молодая женщина.

– Прости, Лена, – сказала Вера Григорьевна.

– Вы же не знали. И… боль уже прошла. Я живу с сыном и тетей – сестрой отца. Она сидит с ребенком, пока я работаю.

– А сыну сколько? – поинтересовалась Вера Григорьевна.

– Девять.

– Моему внуку восемь. Давай выпьем, Леночка, за здоровье наших родных и близких. И за наше с тобой.

Потом Вера Григорьевна предложила рассказать дальнейшую историю про внука – может, и попутчица для себя что-нибудь из нее почерпнет. Если попадется финн под руку – брать надо.

– Смотря какого, – заметила Лена.

– А это ты для себя должна решить, милочка, какого тебе надобно.

«Никакого», – мысленно ответила Лена, однако промолчала – насмотрелась она на этих северных соседей.

В общем, приказала Вера Григорьевна своей Катьке от ребенка отказаться. Она девочка послушная и рано усвоила, что мать никогда не ошибается, поэтому тут же отказную накатала. На что-либо претендующего отца у Степки в наличии не имелось. У Катьки идеи какие-то в юности были – мол, надо замуж сходить или отца ребенка в известность поставить. Но мать сразу сказала: хочешь, чтобы я и тебя дальше кормила, и ребенка твоего, – никаких мужей. Катька послушалась. Вера Григорьевна сразу же после ее отказа Степку усыновила.

– Вместе с финном?

– Естественно! – воскликнула Вера Григорьевна. – Он его, правда, и видел-то всего раз-другой. На улице бы не узнал. Как и Степка нового папашу. Юрки только свой автограф, где ему пальцем тыкали, ставил. Да от него больше ничего и не требовалось. Я же за все платила.

Лена поинтересовалась, сложно ли было усыновить ребенка на пару с финном. Вера Григорьевна пожала плечами. Для нее – нет. Но если бы попутчица знала, что Вере за свою жизнь прокрутить пришлось… Эх, ей бы сейчас Ленины годы. Вот она развернулась бы… Правда, она и так разворачивается, да и раньше особо не тужила.

Впрочем, в этом у Лены сомнений не возникало. Вера Григорьевна определенно прожила бурную жизнь. И на пенсию уходить в обозримом будущем явно не

собиралась.

– А дальше? – подбодрила рассказчицу Лена.

– Дальше Юрки возьми да умри. Теперь получаю пособие на бедного сиротку.

Вера Григорьевна потупила глазки, потом подняла их на Лену – и расхохоталась.

– Вот так-то, Леночка. Везде полно лазеек. Только их надо вовремя заметить и использовать. Пока раньше тебя никто другой не додумался. А то несколько человек пролезут в одну дыру – и заделают ее суровые дяди и тети. Так что крутиться надо быстро-быстро, но тем не менее продумывать каждый свой шаг. И подключать специалистов. Самых лучших в своей области. Не жалеть на них денег – окупится.

Лена кивнула. С этой точкой зрения она была согласна.

У Веры Григорьевны были составлены списки специалистов разных профессий, которые ей когда-нибудь могут понадобиться. Она эти списки периодически корректирует и всегда старается обращаться к тому, кто занимает верхнюю строчку. Если фаворита по каким-либо причинам нанять в данный момент невозможно, обращается к тому, кто занимает вторую строчку.

Из чисто женского любопытства Лена поинтересовалась, может ли попутчица хотя бы теоретически обратиться к последнему в списке.

Оказалось, что только в одном случае: если он переместится на верхнюю строчку. Подучится, наберется опыта… Например, на горизонте появляется молоденький мальчик, адвокат, сразу же после юрфака. Опыта у него еще нет, связей нужных нет, многого нет. Но Вера все равно к нему присматривается. Может, даже чем-то помогает. И он знает, что помогает именно она. И понимает, что когда-нибудь долг придется отдать… Мальчик растет, появляются опыт, имя, связи. Он становится мужчиной, выходит на первые роли. И тут объявляется Вера.

Лена подумала, что Вере неплохо бы познакомиться с Валентином Петровичем: она заметила между ними поразительное сходство – и в мыслях, и в образе

действий. «А вдруг они в самом деле знакомы?» – промелькнуло у Лены. Она же не знала всех «местных» контактов шефа.

– Ну что, Леночка, допиваем бутылку и ложимся? Тут как раз на последний тост.

Вера Григорьевна разлила по стаканам остатки коньяка.

– За что пьем? – обратилась она к попутчице.

– За четыре «ся», – предложила Лена, хитренько прищурившись.

– Это еще что такое?

– Чтобы нам всегда сытно елося, в достатке пилося, хорошо жилося, мягко спалося…

Вера Григорьевна расхохоталась.

– Классный тост, хрен-блин! Никогда такого не слышала. Век живи – век учись. Давай, Лена.

Пустую бутылку Вера Григорьевна поставила под стол. Лена отодвинула стаканы к самому окну. Они по очереди сходили почистить зубы, накрылись одеялами и пожелали друг другу спокойной ночи. Женщины даже не могли предположить, что им предстоит пережить до прибытия в Питер.

* * *

Поезд вдруг резко затормозил, дернулся раз, другой… С шестнадцатого места свалился мужчина вместе с одеялом, ударился головой о столик – так, что стаканы упали на Лену и скатились на ковер, – а потом отлетел на Веру и грохнулся на пол. Падая, не издал ни звука.

Вера дико закричала от испуга. Она спала очень крепко (этому способствовала изрядная доза снотворного) – и тут такой груз сверху… Лена тоже разок вскрикнула, когда на нее падали стаканы, но истерики с ней не случилось,

стакан – все-таки не мужик.

Куприянов тоже проснулся и выругался сквозь зубы. Ночные разговоры женщин он не слышал, а вот когда сосед падал с диким грохотом, а потом бабы визжать начали – как тут не проснешься? Из соседнего купе застучали в стену.

Человек на полу не шевелился, молчал.

Вера прекратила кричать и села. Лена тоже села, натянув на себя одеяло.

– Свет зажгите кто-нибудь, – попросил сверху Куприянов. – Сейчас я спущусь и обратно его положу.

Вера щелкнула выключателем.

То, что попутчик мертв, поняли одновременно и женщины, и Сергей.

Лена с Верой истошно завопили. Сергей матерился.

В купе застучали с двух сторон. Прибежал проводник и принялся колотить в дверь. Ни Вера, ни Лена не могли сдвинуться с места.

– Откройте дверь, дуры! – крикнул Куприянов. – И заткнитесь.

Женщины по-прежнему не шевелились. Куприянов свесился с верхней полки и открыл замок.

Проводник переступил порог – и отшатнулся. Двое сонных мужчин в спортивных брюках – определенно, разбуженные соседи, – заглянули в купе и тоже отпрянули.

Посиневший мертвец с закрытыми глазами лежал на полу в неестественной позе, лежал в плавках и в носках, рядом с одеялом. На животе его каким-то образом удерживался один из стаканов. На груди, в области сердца, чернел рубец с запекшейся вокруг кровью. На теле было множество кровоподтеков и ссадин.

«Только этого еще не хватало», – подумал Куприянов.

Глава 2

В 1996 году проектный институт, где на должности завхоза трудился Валентин Петрович Туманов, был акционирован и приватизирован. Произошла смена власти. Институт возглавил Валентин Петрович. Незаметный плановик Олег Леонидович Рысин стал вице-президентом. Туманов придумал новое название – «Сапфир» – после того, как вместе с Леной слетал по делам в Англию. В Британском музее на него огромное впечатление произвела сапфировая роза Ганса Слоуна, приобретение коллекции которого в собственность государства и привело к основанию этого музея в 1753 году.

Работник бухгалтерии Родион Николаевич Александров примерно в это же время сделался управляющим банком «Купчинский кредит», основанным все той же честной компанией. Огромное здание бывшего государственного учреждения стало базой, штабом, из которого велось управление огромной империей.

Подвал и часть первого этажа сдали «колбасникам». Константин Павлович Романов по кличке Окорок возглавлял производство. Количество сотрудников проектного института сократилось на две трети. Совсем закрывать проектную часть не имело смысла: «буржуи» строили на русской земле свои предприятия и собирались еще расширить производство, так что консультанты с российской стороны требовались – хотя бы для согласования иностранных проектов с многочисленными отечественными инстанциями. Ведь ни один иностранец не разберется, кому, когда и какую взятку следует дать, чтобы получить нужное разрешение; никто из иностранцев не знал, как убедить чиновника поставить свою подпись на не отвечающем никаким ГОСТам проекте, не знал, как достать материалы, которых нет, но на самом деле есть. Слава о проектном институте Валентина Петровича распространилась далеко за пределами Северной столицы и России, и все «буржуи», решившие построить свой завод или фабрику там, где дешевая рабочая сила, заключали договоры именно с «Сапфиром».

Росли доходы Валентина Петровича, соответственно росли и Ленины доходы. Работы становилось все больше и больше. В основном, конечно, переводческой, в постель ложиться приходилось все реже – только с очень важными

партнерами, сотрудничество с которыми сулило большие барыши. Через некоторое время Туманов нанял еще пару девушек, потом стал подключать еще двоих. Правда, обучать их, как Лену, он не стал. Они получили консультации по вопросам одежды, макияжа и еще кое-какие инструкции. Никаких политологов и профессиональных разведчиков им в преподаватели не приглашали.

Лена теперь только сопровождала зарубежных клиентов, приезжающих посмотреть товар, иногда летала за границу для обсуждения некоторых вопросов, а «разведдеятельностью» занималась лишь в исключительных случаях.

В последнее время Валентин Петрович заинтересовался еще и металлом. Он уже какое-то время сотрудничал с неким Томасом Юханссоном из Мальме, у которого катанка оказывалась дешевле, чем где-либо. Туманов подозревал, что катанка эта российская, ворованная, только он очень долго не мог выяснить, кто же грабит родную страну в обход Валентина Петровича, который вынужден платить шведу за посредничество. Туманов никак не мог разобраться, откуда же все-таки идет металл. Для выяснения этого вопроса и была отправлена в Москву Лена Филатова.

* * *

С Томасом пришлось изрядно повозиться. Лена и поила его до беспамятства, и ублажала всеми известными ей способами – но швед никак не хотел колоться. Она уже подумывала, не позвонить ли Валентину Петровичу и не предложить воспользоваться хорошо зарекомендовавшим себя способом – вывезти несговорчивого клиента в лес или пристегнуть к батарее наручниками со всеми вытекающими отсюда последствиями: побоями, голодовками, паяльником и прочими прелестями – тут уж все зависело от фантазии.

Однако Валентин Петрович несколько раз повторил, что надо постараться действовать корректно. То ли не хотел международного скандала (вдруг скандинавы откажутся с ним сотрудничать, если станет он известен таким образом), то ли стареть начал. Или до сих пор не мог забыть гибели жены и дочери? Туманов заявил Лене, что для того и готовил ее с такими затратами, чтобы она одна могла заменить целую команду «быков».

Лена уже начинала терять терпение. К тому же Томас сам постоянно задавал какие-то вопросы о ее работе, о «Сапфире», о Туманове… Лене это не нравилось, и она решила прибегнуть к последнему средству, которое пришло ей на ум: подсыпала Томасу снотворного и принялась за исследование его вещей.

Во-первых, она аккуратно переписала фамилии, имена, отчества, телефоны и адреса всех лиц из его визитницы. В толстенной черной книжке, которую Томас всегда брал с собой на переговоры и что-то туда записывал, Лена ничего интересного не нашла, к тому же книжка была заполнена лишь на одну пятую-шестую часть. Все записи посвящались общим делам с Валентином Петровичем.

Лена вынула из «дипломата» электронную записную книжку, но, как ни старалась, добраться до внесенной в нее информации не смогла. Это не компьютер, где можно запустить программу по взлому паролей. Здесь приходилось действовать методом тыка. Она набирала и имя Томас, и имя его жены, и дочери, и дату рождения владельца – ничего не выходило. Девушка понимала, что данных из визитницы Валентину Петровичу будет недостаточно, хотя и они – уже кое-что. Вся нужная информация, естественно, занесена в электронную записную книжку – только вот как добраться до этих данных? Времени оставалось не так уж много: скоро швед должен был проснуться. Забрать с собой записную книжку Лена тоже не могла: воровство исключалось. Не из моральных соображений – нравственное чувство и у Лены, и у Валентина Петровича отсутствовало полностью, если дело касалось их личных интересов и выгоды. Просто Томас точно знал бы, у кого книжка. Да и нельзя исключать варианта, что им все равно не удастся что-то из нее извлечь.

Чертыхаясь над электронной записной книжкой Томаса, она впервые прокляла эти новые приспособления и с грустью вспомнила времена, когда у всех были только традиционные записные книжки, в которые черным по белому записывались адреса и телефоны друзей и знакомых.

Сама Лена до сих пор еще пользовалась дедовским способом – у нее имелась тоненькая, обтянутая кожей книжка, всегда лежавшая в сумочке. Дома хранился дубликат – на всякий случай: потерять все нужные телефоны для нее было смерти подобно. Правда, она носила в сумочке и электронную, подаренную Валентином Петровичем, считавшим, что несолидно его подчиненной ходить без подобного приспособления. В электронную, конечно, что-то было внесено, но она пока не стала для Лены предметом первой необходимости, как, например, компьютер или сотовый телефон.

В отличие от множества владельцев традиционных записных книжек, Лена вносила в свою не фамилии и имена, а какие-то одной ей понятные клички или слова, способные вызвать определенные ассоциации. Например, господин Рысин, вице-президент «Сапфира», числился как Плановик, потому что раньше трудился в планово-финансовом отделе; один из партнеров Валентина Петровича, ныне директор строительной компании, – как Сцепщик, потому что в доперестроечные времена трудился сцепщиком вагонов. Александров значился как Финансист. Коллега по работе, регулярно привлекаемая Валентином Петровичем Светка, была Психологиней – она оказалась психологом по образованию, университет закончила, только вот применяла свои знания не в наркологическом диспансере, куда почему-то пошла основная масса тех, с кем она вместе училась, а в работе с многочисленными клиентами Валентина Петровича, к каждому из которых требовался особый подход. Ирка Слуцкая – тоже коллега по работе – была Пухляшкой; две новенькие – Маркизой и Гимназисткой. Почему-то девчонки вызывали у Лены именно такие ассоциации.

Лена сидела в кресле и с тоской смотрела на спящего Юханссона. Они находились в одной из многочисленных квартир Валентина Петровича. Старый жук и в Белокаменной обзавелся недвижимым имуществом. Эта квартира использовалась Тумановым, когда он приезжал по каким-то делам в Москву. Несколько раз ключи выдавались Лене, ублажавшей там клиентов. Женщина средних лет, инженер в прошлом, занималась уборкой, закупала продукты и готовила, когда хозяин или кто-то из его людей останавливались в своей «гостинице».

Внезапно Томас что-то пробормотал во сне на непонятном языке, явно не шведском. Лена этого языка не знала. Она прислушалась, надеясь, что Юханссон скажет что-то еще, но он только храпел.

У Лены возникло желание выкинуть эту чертову записную книжку в окно, или притопнуть по ней каблуком, или разбить ее о башку шведа… Но она точно знала: результата таким образом все равно не добьется.

Какой, ну какой здесь может быть пароль? И что там скрыто? Телефоны и адреса, которых нет в визитнице? Номера банковских счетов? Черт побери!

Со злости она почему-то набрала свое имя латинскими буквами – кириллицы у шведа, естественно, нет. Потом долго размышляла, почему напечатала «lena»?

Затем по привычке нажала «Enter». На экранчике появился текст!

Лена глазам своим не верила. «Ого, прославилась! – промелькнула мысль. – Уж если пароль с меня придумывают…» Обдумав ситуацию, она решила, что никто, конечно, не смог бы догадаться, что паролем швед избрал имя – причем неполное – своей питерской пассии. Это немного польстило ее самолюбию.

Она снова выхватила блокнот, который уже убрала за ненадобностью: твердо решила, что придется возвращаться в Питер с провалом – впервые за свою многолетнюю карьеру. Лена стала быстро просматривать электронные страницы в поисках интересных для нее и Валентина Петровича сведений. Фамилии, номера телефонов и факсов тотчас же переписывала в блокнот. Ей некогда было думать о кодах городов, где в России у Юханссона оказывались знакомые, – с этим она еще успеет разобраться. Собственно, даже и разбираться не будет – Равиль Кильдеев все сделает. Или кто-нибудь из его команды. Лена только смотрела, чтобы первыми шли цифры 007 (как тут не вспомнить Джеймса Бонда!) или ++7 – код России. Потому что не было времени на Швецию или другие страны.

Заносить сейчас данные в свою электронную записную книжку тоже некогда, в простой блокнот казалось быстрее да и привычнее.

Номера банковских счетов, занесенные в память книжки Юханссона, тоже перекочевали в Ленин блокнот, правда, к сожалению, имелись только номера, никакой дополнительной информации не предоставлялось – для себя же вносил, не для взломщиков. «Ладно, – решила Лена, – потом разберемся».

Швед опять что-то промычал во сне. Лена резко подняла голову и убедилась, что милый друг еще не отошел от снотворного – специально подсыпала совсем небольшую дозу, чтобы у него не возникло никаких подозрений, – и поспешно прокрутила последние электронные страницы.

Так. Наконец вроде бы все. Лена положила книжку в «дипломат» шведа – именно так, как она там лежала, – и вернулась в кресло. Нанятый Валентином Петровичем разведчик специально обучал ее искать в «дипломатах» и чемоданах потайные нити, волоски и прочие неприметные на первый взгляд штучки, по измененному положению которых хозяин сразу же мог бы определить, что кто-то интересовался его имуществом. Швед, однако, не

прибегал к подобным хитростям. Тем не менее Лена положила записную книжку на прежнее место – между папкой с распечатанными контрактами и детективом, переводом с английского на шведский.

Затем взяла с журнального столика «Космополитен» и углубилась в чтение. Она сразу же заметила, когда швед проснулся – была натренирована определять подобное, – но не подала виду, что знает о его пробуждении. Томас какое-то время изучал ее из-под приопущенных ресниц. Лена с невозмутимым видом продолжала читать. Наконец Юханссон потянулся, промычал что-то нечленораздельное и протер глаза. Молодая женщина посмотрела на него и обворожительно улыбнулась.

– Выспался? – поинтересовалась она. – Мне уже на поезд скоро, да и тебе лучше с вечера в Шереметьево отправиться, – а то как утром добираться будешь? И опасно у нас иностранцу в одиночку ночью на такси разъезжать.

– Ничего, доберусь как-нибудь, – пробормотал Томас.

– Давай-ка я тебе рассольчика принесу, – предложила Лена, вставая с кресла. – Рассольчик после пробуждения – испытанное русское средство от головной боли. Хотя сейчас и не утро…

Лена отправилась на кухню и отлила в стакан рассолу – прислуга специально оставляла его во время посещения хозяев, ибо прекрасно знала, с какой публикой имеет дело.

Юханссон с жадностью выпил, утер свои рыжие усы, крякнул – и завалил Лену на кровать. Она почти не сопротивлялась – работа.

Только вот на поезд чуть не опоздала.

* * *

Лена смотрела на труп, лежавший на полу, и истошно вопила. Ее почему-то обуял страх, а ведь трупов ей уже довелось повидать немало, причем изуродованных и со следами многочисленных пыток. Здесь же кровоподтеков и ссадин было не так много – с точки зрения Лены, конечно; обычный россиянин,

вероятно, ужаснулся бы.

«Вот еще осложнение, – посетовала мысленно. – Теперь по ментовкам затаскают».

Правда, Лена тут же успокоилась на сей счет: ее не затаскают – со связями-то Валентина Петровича. Да и бояться ей нечего: у нее надежное алиби – всю ночь с Верой проболтали, коньяку бутылку выпили. Только вот кто его успел… Определенно уже давно на тот свет отправился. Вера вчера, вернее уже сегодня, что-то говорила про каких-то молодых парней, которые пьяного под руки притащили и спать укладывали… Надо Веру поподробнее расспросить… Когда его зарезали? Парни?.. Может, те, с которыми она столкнулась, влетая в отходящий поезд? Могли приволочь уже мертвеца? Но как так дотащили, что никто не заметил, что волокут труп, а не пьяного? А что наши люди вообще заметят? На вид пьяный, алкоголем за версту разит – этого вполне достаточно.

Лена сидела в уголке у окна, натянув на себя одеяло, и смотрела на труп молодого мужчины. Голова прямо-таки раскалывалась: коньяку они с Верой приняли изрядное количество. Казалось, что она легла спать всего несколько минут назад, ужасно хотелось рухнуть на подушку и забыться… Проводник куда-то побежал. Наверное, вызывать бригадира и связываться с Питером.

Лена встретилась взглядом с Верой Григорьевной. Та, с одной стороны, была напугана, но, с другой, уже почти взяла себя в руки и, похоже, просчитывала все возможные варианты случившегося, вернее, как это может отразиться на ней лично.

Женщины мгновенно поняли друг друга: мыслили в одном направлении – как обезопасить себя?

– Телефон свой оставь, – шевельнула губами Вера.

Лена кивнула и протянула руку к сумочке под подушкой. Вырвала листок из блокнота и написала свой домашний. Затем достала записную книжку, открыла на букве «В», написала «Вера» и протянула попутчице ручку, книжку и листок со своим номером. Вера написала два своих телефона – по всей вероятности, домашний и мобильный.

Увидев номер мобильного, Лена мысленно отругала себя за то, что не взяла свой мобильный в Москву. И тут же поинтересовалась, не с собой ли у Веры трубка. Надо бы позвонить…

Вера Григорьевна стукнула себя ладонью по лбу, запустила руку под полку и извлекла довольно вместительную сумку, стоявшую под изголовьем. Правда, вытаскивать ее было неудобно – приходилось тащить из-под столика, потому что мешал мертвец. Но Вера все же управилась довольно быстро.

Роясь в своих вещах в поисках телефона, Вера спросила:

– Тебя кто-нибудь встречает?

– Один парень из охраны шефа.

– А меня шофер. Наверное, адвоката стоит вызвать.

Они уже не обращали внимания на покойника – первый шок прошел. Теперь следовало думать только о себе – мертвецу все равно уже ничем не поможешь. Да и помогать дамы никому не собирались – каждый в первую очередь спасает собственную шкуру.

– Ну куда же я его дела, хрен-блин! – воскликнула Вера Григорьевна. – И как башка раскалывается!

– Может, в кармане шубы? – предположила Лена.

– Сейчас посмотрю.

Трубка действительно оказалась в шубе.

– Который сейчас час? – спросил мужчина с четырнадцатого места.

– Семь с копейками, – ответила Лена и внимательно посмотрела на попутчика.

«Не замешан ли он в этом деле? Надо с Верой потом подробно все обсудить. И, черт побери, рожа вроде бы знакомая… Где же я могла его видеть? Ну зачем было вчера так напиваться?!»

Вера тем временем звонила одному из своих адвокатов.

– Задницу от кровати отрывай и бегом на Московский вокзал, – давала она указания. – Не фига бриться, не на свидание едешь. Можешь позвонить Тимке, чтобы заехал за тобой. Он все равно меня встречать должен. Поезд номер два, «Красная Стрела», третий вагон, тринадцатое место. Живо поворачивайся.

Адвокат, по всей вероятности, еще толком не проснулся и не понимал, зачем ему на всех парах нестись на Московский вокзал.

– Слушай ты, крокодил, – продолжала Вера, – я тебе зачем деньги плачу?.. Что значит – кто едет? Я еду. И труп какой-то. Зарезали какого-то козла, хрен-блин.

Адвокат с утра плохо соображал.

– Козел – это в смысле мужик. Все вы козлы, хочу тебе заметить, баран ты недорезанный. Вот одного тут прикончили… Ну откуда я знаю, где и когда?! Факт тот, что он сейчас у меня под ногами валяется… Я на полке сижу. На тринадцатом месте. Ведь чувствовала: что-нибудь случится. Тимке передай, что кастрирую его за то, что тринадцатое место мне взял. Ладно, хватит трепаться. Чтобы был как штык перед вагоном, когда я в Питер приеду.

Вера отключила связь, ругнулась и посмотрела на Лену.

– Вот работнички у меня. – Помолчав, добавила: – Но адвокат в самом деле хороший. Приходится его терпеть. На, звони. Я пока таблетки найду. Не могу – башка раскалывается…

Вера протянула Лене трубку.

Та набрала домашний номер Валентина Петровича. Он еще спал, но аппарат всегда стоял у него рядом с кроватью – мало ли что может стрястись?

– Валентин Петрович? – спросила, когда шеф наконец снял трубку. – Это Лена.

– Ты где? – сразу же проснулся Туманов, мгновенно сообразивший: она вроде бы не должна с ним связываться с утра пораньше.

– В поезде.

– То есть…

– Мне попутчица свою трубку дала, – поспешно объясняла Лена. – У нас в купе труп. Кто такой – не представляем. Ножевое в области сердца, кровоподтеки, ссадины. Похоже, его пытали, правда, особых усилий для выбивания информации прилагать не потребовалось. Проводник, видимо, за бригадиром понесся. Пришлите кого-нибудь меня встретить… Я имею в виду… кроме Алексея.

– Сам приеду, – сказал Туманов. – Нам только этого еще не хватало.

– И… Валентин Петрович…

– Да?

– Есть и хорошие новости. – Лена решила несколько улучшить настроение шефа. – Я не зря в Белокаменную съездила.

– Слава тебе, господи, хоть что-то приятное сказала.

Туманов отключил связь.

С верхней полки свесился попутчик и обратился к женщинам с просьбой позволить и ему позвонить.

Вера не успела протянуть ему телефон: снова появился проводник, на сей раз в сопровождении двоих мужчин в железнодорожной форме.

Вера предпочла побыстрее спрятать трубку: мало ли что может прийти в голову господам железнодорожникам? И не нужно никому знать, что они с Ленкой своим людям звонили. А мужик с четырнадцатого места обойдется. Может, сам замешан в этом деле?

– Вот что, женщины… – обратился один из вновь прибывших к Лене и Вере. – И вы, мужчина… – Он посмотрел на Куприянова. – Вам всем, наверное, лучше перейти в купе проводника. Как-нибудь уж переступите… Его нельзя трогать. Мы связались с Питером и… Вас попросили задержаться.

– Но мы ничего не знаем, – пролепетала Вера, хлопая глазами.

– Он… он свалился сверху, когда поезд дернулся… – подыгрывала ей Лена, пытаясь включить весь свой шарм, что оказалось не так-то просто с утра пораньше, с жуткой головной болью.

– Вы… вы не представляете, что мы пережили, – продолжала Вера.

– И как мы будем через него переступать? – ужасалась Лена.

Куприянов с трудом удерживался от смеха. «Ну и актрисы», – подумал он. Сергей только что слышал, каким тоном и в каких выражениях дама с тринадцатого места разговаривала со своим адвокатом, а потом – как четко девчонка с пятнадцатого описывала своему шефу состояние трупа. Да и девчонка казалась вроде бы знакомой… Ну, не знакомой, а из тех, на кого он обращал внимание…

Эти красотки точно отвертятся, считал Куприянов. Только бы на его, Сергея, бедную головушку не свалились все неприятности. Ведь всегда нужен «стрелочник». Похоже, что на сей раз эта роль предназначалась ему. Следовало срочно связаться с Окороком, а для этого – воспользоваться телефоном мадам с тринадцатого места.

– Женщины, – он свесил голову вниз, – давайте одевайтесь, а кто-нибудь из мужчин вам поможет выбраться. Мужики, вытяните их как-нибудь, а потом и я спущусь.

Лена прихватила свою сумочку из ската и переместилась в конец полки, ближайший к двери. Бригадир поезда подхватил ее под мышки и без труда вытащил в коридор.

– Ты как пушинка, – сказал он.

Лена мило улыбнулась и попросила:

– А можно мою сумку из-под полки вынуть? И вот это – мою шубу и костюм.

Бригадир услужливо перегнулся через мертвеца, приподнял полку, увидел там две черные сумки и спросил:

– Обе твои?

– Нет, дальняя.

Бригадир вытащил сумку, снял вешалку с Лениными вещами и направился к купе проводника. Лена, подмигнув Вере, последовала за ним.

Вера Григорьевна покидала вещи в сумку, вытащила из-под полки еще одну, меньших размеров, протянула сумки проводнику и сама перебралась через мертвеца. Потом сняла с вешалки свою шубу и вместе с проводником прошла в его купе.

Последним четвертое купе третьего вагона покинул Куприянов.

* * *

Они расположились втроем на постели проводника. Сам же проводник, бригадир и еще один мужчина в железнодорожной форме снова пошли к их злосчастному купе. Вера с Леной тут же выпили по две таблетки от головной боли. Кроме того, Лена достала из сумки привезенный из Таиланда бальзам и смазала им виски.

Куприянов снова шепотом обратился к Вере с просьбой позвонить. Она протянула ему трубку.

– Не волнуйся, Серега, – сказал Окорок, выслушав Куприянова. – Встретим тебя.

Куприянов отключил связь и вернул трубку Вере. Женщины молчали, молчал и Сергей; все трое думали о случившемся: кем мог быть убитый и за какие такие дела его отправили на тот свет?

Вера с Леной то и дело обменивались многозначительными взглядами. Хотя женщины познакомились всего лишь несколько часов назад, они прекрасно понимали друг друга – словно были знакомы всю жизнь. Женщины опасались говорить при попутчике с четырнадцатого места – бес его знает, кто он такой? – но им очень хотелось обменяться имеющейся у них скудной информацией.

Лена, сидевшая у окна, открыла сумочку, прикоснулась к записной книжке и произнесла одно слово:

– Сегодня.

Вера, расположившаяся рядом с молодой женщиной и закрывавшая ее от Куприянова, сразу же поняла, что та имела в виду.

– Скорее всего, попозже, – коротко бросила она в ответ.

Лена кивнула и опять посмотрела на Куприянова. «Где же я все-таки его видела?» – подумала она.

Сергей ничего не понял из реплик своих попутчиц. Но он вдруг вспомнил, где пересекался с этой девицей… Значит, именно из-за нее ему приказали включить запись…

Глава 3

На перроне, у места предполагаемой остановки третьего вагона, собралась довольно многочисленная компания. Сотрудники транспортной милиции, ожидающие третий вагон по профессиональной необходимости, естественно,

предполагали, что некоторых пассажиров приедут встречать родственники или шоферы, но чтобы такая публика и в таком количестве…

Седовласый, начальственного вида мужчина лет пятидесяти пяти в длинном темно-зеленом кашемировом пальто прибыл в сопровождении двух накачанных молодцев, в роде деятельности которых сомнений ни у кого возникнуть не могло. Чуть позади стоял тоже весьма холеный господин лет сорока; причем лицо этого типа показалось двоим милиционерам знакомым.

В сторонке же стояли растрепанный, но весьма дорого одетый молодой человек лет тридцати, явно собиравшийся впопыхах – проспал скорее всего, – и сопровождавший его невозмутимого вида парень чуть постарше – этот, последний, не отличался особо внушительной мускулатурой, но, как приметил бы опытный глаз, он тоже был из касты телохранителей, причем гораздо более дорогих, чем мордовороты седовласого. Бизнесмен с шофером-охранником?

Стоявший за мужчиной в кашемировом пальто холеный тип лет сорока начал что-то быстро говорить своему боссу – в том, что это начальник и подчиненный, сомнений не возникало. Подчиненный кивал в сторону «бизнесмена» и что-то объяснял своему шефу. Тот внимательно оглядел молодого человека и, видимо, отдал какой-то приказ.

Подчиненный направился к бизнесмену.

Молодой человек искренне удивился, но сразу же узнал подошедшего и пожал ему руку. После чего они принялись что-то обсуждать.

Мужчина в кашемировом пальто в сопровождении своих телохранителей приблизился к собеседникам и тоже пожал руку «бизнесмену» – после того как подчиненный представил их друг другу. Мордовороты же пожали руку «шоферу» и отошли вместе с ним в сторону.

«Бизнесмен», явно очень возбужденный, что-то объяснял собеседникам, размахивая руками. Капитан милиции уже собрался познакомиться с участниками «профсоюзного собрания», когда один из мордоворотов довольно громко сказал своему боссу:

– Валентин Петрович, смотрите: Окорок на всех парах несется.

Все собравшиеся у места прибытия третьего вагона посмотрели туда, куда указывал телохранитель. По платформе, словно огромных размеров шар, катился на редкость полный мужчина, настолько упитанный, что действительно создавалось впечатление: он не идет, а именно катится. Мужчина, которого назвали Окороком, очень торопился. За ним едва поспевал еще один, казавшийся тростиночкой на фоне Окорока.

– Костя! – приветствовал Окорока Валентин Петрович, хозяин кашемирового пальто. – Вот уж не ожидал сегодня с утра пораньше с тобой здесь увидеться!

– Валентин, ты? – искренне удивился Костя. – А ты чего здесь?

– А я Леночку свою встречаю, – сообщил Валентин Петрович. – Я же не могу допустить, чтобы девочка подумала, будто я о ней не забочусь… Да, Костя, ты, кажется, не знаком с моим адвокатом по уголовным? Георгий Ливанов. Константин Романов.

Мужчины пожали друг другу руки.

Константин Романов, как выяснилось, тоже прибыл в сопровождении адвоката. Юристом, специализирующимся по уголовным делам, оказался и растрепанный «бизнесмен».

Представители транспортной милиции вопросительно посмотрели на своего капитана – ждали его указаний.

– Пошли и мы – познакомимся с честной компанией, – с легкой улыбкой сказал капитан. – Только не забывайте: это вам не цыгане и не воры-карманники. Публика серьезная.

«И за год до пенсии мне лишние неприятности совсем не нужны», – добавил он про себя.

– Капитан Серегин, – козырнул милиционер, подойдя к встречающим.

– Доброе утро, капитан, – расплылся в улыбке тот, кого называли Валентином Петровичем. – Чем обязаны такому вниманию?

– Во время моего дежурства к нам поступило сообщение: в поезде номер два, в вагоне номер три обнаружен труп мужчины.

– Неужели?

Капитан обратил внимание на то, что собравшаяся компания никак не отреагировала на его сообщение; вообще ни один из мужчин не проявил никаких эмоций: то ли все они уже знали про труп, причем знали гораздо больше, чем сотрудники правоохранительных органов, то ли трупы с утра пораньше являлись для них чем-то столь же привычным и обыденным, как свежая газета или прогноз погоды по радио.

– Я обязан буду допросить всех следовавших в вагоне номер три из Москвы в Петербург, – продолжал капитан. – Возможно, не только их, но и встречающих.

Туманов протянул милиционеру черную визитку с золотым шрифтом и попросил позвонить в любое удобное время. Правда, заметил, что скорее всего ничем не сможет помочь… На визитке был указан телефон секретарши, которой и надлежало все передать господину Туманову. А его девочка… которую он встречает, наверное, тоже ничего толком сообщить милиции не сможет. Она и так небось напугана до смерти. И Туманову не хотелось бы, чтобы она лишний раз переживала…

– Почему вы пришли встречать… свою девочку вместе с адвокатом? – спросил капитан.

Изобразив на лице удивление, Валентин Петрович ответил, что он никуда не ездит без адвоката. И без телохранителей – также. Капитан ведь должен понимать: обстановка в городе и в стране в целом такова, что…

Капитан Серегин понял: добиться чего-нибудь от господина Туманова будет очень сложно. Как и от его «девочки» – если капитан правильно представлял эту мадам, та сейчас бьется в истерике и будет продолжать биться, пока милиция от нее не отстанет. Наверное, ножом она не орудовала, но допросить ее все равно придется: вдруг что-нибудь видела? И почему все-таки этот Туманов лично примчался на вокзал – да еще вместе с адвокатом? Правда, он говорит, что постоянно берет его с собой… И ведь, похоже, они все знают. Знают, что в

вагоне труп. Откуда? Наверное, предприимчивые пассажиры уже позвонили покровителям.

– Мне все равно потребуется поговорить с… Она ваша дочь или жена? – спросил Серегин.

– Дорогая для меня женщина, – ответил Туманов.

Капитан с трудом сдержал улыбку, услышав подобный ответ.

– Мы ее долго не задержим, господин Туманов. Всего несколько вопросов.

– Только в присутствии моего адвоката.

– Хорошо, – кивнул Серегин, понимая, что на компромисс иногда следует идти, чтобы добиться результата.

Капитан повернулся к остальным участникам «профсоюзного собрания». Трое адвокатов протянули ему свои визитки.

– Кого вы встречаете? – поинтересовался Серегин у того, которого милиционеры вначале приняли за бизнесмена.

– Госпожу Хилтунен, – ответил адвокат по фамилии Бужинский.

«Господи, неужели Верка? – промелькнуло у Окорока. – И она тут ехала? Вот уж кто умеет влипать во всякие истории. Правда, всегда выходит из них с прибылью для себя».

– Она финка? – спросил капитан.

– Нет. Вдова финна.

«Точно, Верка, – думал Романов. – Госпожа Хилтунен, черт побери. Окрутила бедного чухонца к нашим мужикам в придачу, теперь доит еще и Республику Финляндию вдобавок к родной стране».

Серегин же вспомнил, что ему сообщил по рации бригадир поезда: в купе вместе с трупом ехали две женщины – молодая и средних лет («девочка» и госпожа Хилтунен?), а также мужчина лет сорока. «Да, трудно будет работать с такой компанией», – подумал капитан, прекрасно понимавший, что это не его обычные «клиенты» – бомжи, дешевые проститутки и прочая шантрапа, промышляющая «мелким бизнесом» на вокзалах.

– А вы с какой целью прибыли? – повернулся Серегин к Константину Романову.

– Друга встречаю, – сообщил Окорок.

– И тоже с адвокатом?

– Почему бы и нет?

– На каком месте едет ваш друг?

Этого Окорок действительно не знал.

– Понятия не имею, – ответил он. – Он сообщил только, что в третьем вагоне.

– А дорогая вам женщина? – с улыбкой повернулся капитан к Туманову.

Валентин Петрович, тоже расплывшийся в улыбке, сообщил:

– На пятнадцатом.

«Труп на шестнадцатом, – подумал Серегин. – Все сходится».

– А госпожа Хилтунен? – повернулся он к Бужинскому.

– Тимофей! – крикнул адвокат прибывшему с ним молодому человеку, беседовавшему с мордоворотами.

Тимофей тут же присоединился к компании.

– Да? – Он посмотрел на капитана.

– На каком месте едет госпожа Хилтунен? – повторил свой вопрос Серегин.

– На тринадцатом, – сообщил Тимофей.

– А убили человека с какого места? – поинтересовался адвокат Туманова.

– С шестнадцатого, – сообщил капитан. – Так что, господа, вашим знакомым совершенно точно придется задержаться. Ваш друг, – обратился он к Окороку, – наверняка ехал на четырнадцатом. В противном случае вас с адвокатом тут не было бы.

Окорок пожал плечами.

– Они вам звонили? – спросил Серегин.

– Звонили, – кивнул Туманов. – А как вы думали, капитан? Труп среди ночи валится на голову женщинам. Естественно, они просят их встретить. Надеюсь, вы сейчас их надолго не задержите… после всего, что они пережили… Мы оставили вам свои координаты – и готовы помочь, чем сумеем. Но и вы поставьте себя на место Лены, Сергея и госпожи… Хилтунен. – Туманов посмотрел на Бужинского, как бы вопрошая, правильно ли назвал фамилию. Тот кивнул. – Леночка, по крайней мере, об этом деле ничего не знает. И она сейчас точно не в состоянии отвечать на вопросы.

– Как и Вера Григорьевна, – тут же вставил Бужинский.

Прибывшие на перрон еще несколько человек встречающих у милиции никакого интереса не вызвали – после разговора с такой колоритной компанией. Эти встречающие были людьми явно друг с другом незнакомыми. Носильщики быстро пробегали со своими тележками мимо места остановки третьего вагона: им не хотелось лишний раз обращать на себя внимание милиции. Все ждали «Красную Стрелу».

Наконец показался долгожданный состав. Третий вагон остановился у встречавшей его компании.

В первом купе появилось Ленино лицо: она сидела у самого окна. Девушка тут же постучала в стекло. Валентин Петрович помахал ей рукой. Милиционеры внимательно посмотрели на «дорогую женщину».

– Очень даже ничего, – заметил молоденький сержант. – Только что она нашла в этом старпере?

– Деньги, – вполголоса ответил лейтенант. – Ты на вторую взгляни.

В окне появилась дама в бриллиантах, по всей вероятности, госпожа Хилтунен, как решили милиционеры. Дама сделала некий неопределенный жест рукой и тут же вышла из купе проводника.

За ней показалось усталое мужское лицо. Мужчина с унылым видом помахал Константину Романову и опять опустился на сиденье. Пассажиры начали выходить из вагона.

Следовавших в других купе представители правоохранительных органов группами провожали на Московский вокзал, записывали там их данные и задавали рутинные вопросы. Для этого специально прибыло подкрепление: обычный наряд не справился бы с подобной работой.

Капитан Серегин, лейтенант и молоденький сержант взяли на себя троих попутчиков покойного.

Кроме того, у вагона остались фотограф, эксперт-криминалист, врач и еще несколько человек из транспортной милиции – ведь требовалось выставить оцепление и отогнать от вагона зевак.

* * *

Представившись, капитан Серегин попросил Лену, Веру Григорьевну и Сергея Куприянова остаться в вагоне: через несколько минут он сам или его коллеги поговорят с ними. Но постараются закончить все как можно быстрее.

– Я бедная старая женщина!.. – кричала увешанная бриллиантами дама. – Мало того, что по ночам в этих поездах трупы сверху теперь валятся, так еще и домой

сразу же не уехать. Я потребую с железной дороги компенсацию за моральный ущерб. Мои расшатанные нервы… мое больное сердце…

«Да тебя вместо паровоза впереди состава пускать надо», – подумал Серегин.

– Такое ночью пережили, – пустила слезу Лена, – а нас еще здесь, точно преступников, держат. Я от разрыва сердца чуть на тот свет не отправилась! И нас еще допрашивать хотят! Кошмар! Ужас!

«Ничего, краля. А до разрыва сердца тебе так же далеко, как твоей попутчице. Вот мужские сердца разбивать ты, наверное, мастерица».

Куприянов молчал.

«Хоть мужик ведет себя по-человечески. Ни истерик, ни претензий».

В вагоне появился Туманов. Лена тут же повисла на нем.

– Капитан, – обратился Валентин Петрович к Серегину, – может, мы посидим в каком-нибудь купе, пока вы не освободитесь? Мы никуда не уйдем, но я не могу оставлять девочку одну в таком состоянии.

Серегин кивнул, понимая, что лучше иметь этого Валентина Петровича на своей стороне. Может, и видела что его дорогая Леночка.

Туманов, его адвокат и Лена заняли первое купе.

– Ну что, козел недотраханный, проснулся все-таки? – вместо приветствия обратилась «бедная старая женщина» к Бужинскому. – Пошли во второе купе. Вещи мои бери. Вот эти две сумки и канадского енота. Живо поворачивайся. Хоть бы причесался, хрен-блин. Ты посмотри на себя в зеркало. Кто станет с тобой серьезно разговаривать? По одежке встречают, между прочим, а ты выглядишь не как адвокат, а как пугало огородное.

Вера Григорьевна с Бужинским скрылись во втором купе.

Последними к проводнику зашли Окорок и его адвокат, пожали руку Куприянову. Секунду назад Константину хотелось заткнуть уши: голос бывшей жены разносился на весь вагон (если не на весь Московский вокзал).

«Случаются же такие совпадения!» – еще раз поразился Романов, которому очень не хотелось с ней встречаться – по крайней мере, пока, – и он специально подождал немного перед тем, как войти в вагон.

– Ну как дела, Серега? – спросил Окорок у зама.

Куприянов пожал плечами.

– Не знаю, Костя, – признался Сергей. – Ничего не знаю. Ехал в купе с мертвецом. Я сразу же спать лег в Москве, вымотался на этой чертовой выставке. А он – труп в смысле – свалился вниз среди ночи. Ну и…

Куприянов развел руками.

– Пошли в какое-нибудь другое место, – предложил адвокат. – Поговорим там, пока милиция работает.

Они заняли третье купе.

* * *

– Лена, ты должна быстро рассказать Георгию Никифоровичу, что произошло, – говорил Туманов. – Не теряй времени. Слезы ментам пускать будешь.

Лена тут же заговорила совсем по-другому – от образа несчастной заплаканной девочки не осталось и следа, хотя делать над собой усилие все-таки приходилось: голова продолжала болеть, да и не могла она назвать себя абсолютно трезвой.

…Она вошла в купе последней. У нее было пятнадцатое место, у Веры Григорьевны – тринадцатое. Сергей ехал на четырнадцатом – он уже залез на свою полку. Лишь посмотрел на вошедшую Лену и отвернулся к стенке. Правда,

утром ей показалось, что она его где-то раньше видела, только вот не может вспомнить где… Труп лежал на животе, повернувшись лицом к стене, одеяло было натянуто до затылка.

– Никакие части тела из-под одеяла не высовывались? – спросил адвокат.

Лена покачала головой и продолжила свой рассказ.

Они полночи проболтали с Верой. Сергей спал. «Этот» лежал тихо.

– Еще бы, – усмехнулся Туманов.

Вера сказала, что его приволокли двое дружков. Лена их скорее всего видела у вагона.

Туманов с Георгием Никифоровичем вопросительно приподняли брови.

Лена опаздывала на поезд и неслась на всех парах. Перрон в Москве был скользкий, она последние несколько метров прокатилась и врезалась в двоих парней. Обычные «быки», они как раз выходили на платформу. Обменялись с Леной шуточками – и она влетела в вагон.

– Парней узнаешь, если еще раз увидишь?

Лена задумалась.

Одного точно узнает. Второго… Сейчас трудно сказать. Надо бы с Верой поговорить. Та их хорошо рассмотрела.

– Что представляет собой эта Вера? – поинтересовался Туманов. – Орет, как торговка на одесском Привозе.

– Отличная тетка, – заявила Лена. – Бизнесом занимается. Я, кстати, прекрасно провела с ней время.

– Редко ты женщинам даешь положительную характеристику, – заметил Туманов.

Лена улыбнулась и объяснила, что Вера ей ни в чем не соперница. И она Вере – тоже. Материально они примерно на одном уровне. Подход к жизни у них похожий. Попутчица – веселая, неунывающая тетка. Найдет выход из любой ситуации. По крайней мере, Лене так кажется. Телефонами Вера с Леной обменялись, так что потом смогут поделиться впечатлениями.

– Было бы очень кстати, – кивнул Георгий Никифорович. – То есть вы, Лена, совершенно не представляете, кто этот покойник и как он оказался в вагоне?

– Как оказался в вагоне, я знаю со слов других. Я не особо разбираюсь в нашем уголовном праве, но в американском показания с чужих слов не допускаются как доказательства в суде…

– Мы не в суде и не в Америке, – перебил Туманов. – В других местах будешь блистать своей эрудицией. Давай ближе к делу.

Лена скорчила гримасу.

– Слушай, а ты вообще перепугалась? – спросил Туманов с легкой улыбкой. – Или тебя ничем не проберешь?

Лена усмехнулась.

– Заорала даже. Инстинктивно. Представьте: пробуждаешься вдруг и – здрасьте-пожалуйста, мертвец на полу валяется. Потом тоже повизгивала и слезу пускала, но дальше уже роль испуганной девочки пришлось играть.

Теперь усмехнулись Георгий Никифорович с Тумановым.

– Лена, вы в состоянии хотя бы примерно сказать, давно его убили или… – начал адвокат.

– Обучение на трупах она, к сожалению, не проходила, – вмешался Туманов. – Может, следует восполнить пробел в образовании. Как ты считаешь, агентка?

– Желанием особым не горю, если честно. – Лена посмотрела Туманову прямо в глаза и повернулась к Георгию Никифоровичу. – А что касается времени смерти… черт его знает. Я, пока мы утром сидели у проводника, ломала голову над этим вопросом. Сейчас не сомневаюсь в одном: он уже был мертв, когда оказался в вагоне.

Мужчины в задумчивости смотрели на Лену.

– Давай-ка разберемся с этой твоей идейкой, – предложил Туманов. – Ты настаиваешь, что труп был уже трупом, когда ты сама оказалась в поезде?

Лена кивнула. Кто его мог зарезать у них в купе? Они с Веркой часов до трех коньяк пили. Заметили бы, если даже Сергей с четырнадцатого места проснулся. В купе никто не заходил. Лена точно проснулась бы, если бы дверь открывалась… И, кстати, если парни под руки втащили его в вагон, значит, тогда еще тело не успело окоченеть… Наверное, убили незадолго до отхода поезда.

«М-да, не зря я в девочку столько вложил, – подумал Туманов. – Соображает получше иного следователя».

Георгий Никифорович кивнул.

– Скорее всего, – согласился он. – Следы пыток на теле есть? Или он одет был?

– В трусах и в носках. Били его. Думаю, ногами. Лицо чистое. И один ножевой удар в области сердца.

– Ясно, – произнес Туманов. И тут же спросил: – Ты уверена, что ни разу не видела убитого?

– Кажется, нет. По крайней мере, если и видела, то внимания на нем не заостряла. Среди ваших клиентов он точно не значился.

– Его род занятий, по твоему мнению? Вернее, бывший род занятий…

Лена задумалась.

– Бизнесмен средней руки. Может, из банковских служащих. Судя по шмоткам, что остались висеть в купе, деньги имелись, но не так, чтобы в золоте купался. И, Валентин Петрович…

– Ну-ну? – подбодрил шеф.

– Видела я где-то этого Сергея, попутчика. Раньше видела. Ломаю голову, где именно, но не могу вспомнить…

– Это коммерческий директор Окорока, – ответил Валентин Петрович. – Мир тесен, девочка.

Лена молча уставилась на шефа.

– Так, девочка, – снова заговорил Туманов, – Георгий Никифорович все время будет при тебе, когда менты с тобой разговаривать станут. Ментам покажи, что готова сотрудничать, исполнить свой гражданский долг, помочь раскрыть преступление, но ты испугана, перенесла такое нервное потрясение, ну и… В общем, сама знаешь. Ты уже начала в этом направлении. И слезу пусти, и улыбочку изобрази.

Георгий Никифорович добавил, что не стоит упоминать, что Лена видела парней, выходящих из вагона. Про них пусть менты с Лениными попутчиками разговаривают. Лена ничего не видела, ничего не знает. Только труп сверху свалился – и все. Так скорее отстанут.

В дверь постучали. И тут же в проеме появился капитан Серегин.

– Я хотел бы задать девушке несколько вопросов, – заявил он. – Господин Туманов…

– Да-да, я вас покидаю. Не буду мешать вам работать, капитан. Лена, я пошел в машину. Дима подождет тебя и Георгия Никифоровича на перроне. Всего хорошего, капитан. Желаю успехов.

Туманов с Серегиным пожали друг другу руки.

Лена тотчас же изменила выражение лица и превратилась в несчастную, пережившую нервное потрясение девочку. Даже Георгий Никифорович, уже всего насмотревшийся за годы адвокатской практики, поразился ее актерским способностям.

Глава 4

Пятница уже много лет считалась у них банным днем, менялись только бани. Теперь Валентин Петрович, Родион Николаевич Александров и Олег Леонидович Рысин посещали или элитное заведение в центре Питера, или выезжали на выходные на дачу, правильнее будет выразиться – в загородную резиденцию господина Туманова, где имелись и парная, и финская сауна, и довольно большой бассейн, и оранжерея, и… В общем, все то, что простому советскому труженику, бывшему завхозу обычного проектного института, долгие годы снилось в розовых снах. С появлением определенных возможностей, после известных перемен в обществе он воплотил все свои голубые мечты в жизнь и теперь наслаждался комфортными условиями проживания и отдыха. Любил роскошь господин Туманов, как и два его помощника, партнера и друга – господа Александров и Рысин, бывшие скромный бухгалтер и плановик, ныне управляющий банком «Купчинский кредит» и вице-президент АО «Сапфир».

Поскольку на этот раз все трое в субботу намеревались трудиться – каждый на своем посту, – местом вечернего отдыха в пятницу была избрана городская баня. Вышколенный персонал уже давно научился ничему не удивляться, не задавать никаких вопросов и принимать как должное все происходящее во вверенном им банном заведении.

Секретарша Туманова Алевтина Георгиевна позвонила днем в баню и предупредила, что будут трое с дамами, ну и плюс телохранители, конечно. Так что следовало подготовить выпивку и закуску. Их обычные «нумера» – это уж само собой. Директор бани, как всегда, обеспечил все по высшему разряду. Он вел специальный журнал, куда тщательно записывал подмеченные им или кем-то из сотрудников вкусы и пристрастия постоянных клиентов – и в плане алкогольных напитков, и в плане закусок, и в плане женщин.

Первым приехал Туманов со своими телохранителями, которые тоже обычно расслаблялись с шефом в баньке; правда, имелись исключения: они не принимали спиртного (может, только по полбанки пива после первого захода) и не пользовались услугами профессионально ласковых девушек. Этим они занимались потом, после окончания трудовой вахты, благо шеф платил достаточно, так что ребята могли позволить себе самые изысканные удовольствия.

Вторым прибыл Рысин – прямо из здания их бывшего проектного института, где на него в эту пятницу навалилось много работы: Туманов отсутствовал с самого утра, помогал Лене Филатовой разобраться с какими-то проблемами. Валентин Петрович лишь в нескольких словах сообщил Олегу по радиотелефону, что в том купе, в котором Лена ехала из Москвы, зарезали какого-то мужика, поэтому нужно поскорее ментов от нее отогнать, чтобы не мешали жить и работать на благо Туманова и К°. К тому же и Туманова, и Рысина, и Алекса интересовало, что же Лене удалось вытянуть из Юханссона.

Последним появился Александров. Он тоже устал после сумасшедшей банковской недели. Совмещать обязанности управляющего «Купчинским кредитом» и финансового директора всех тумановских проектов – дело нелегкое. Но Родион справлялся, перекладывая большую часть банковской работы на плечи своих замов, которых подбирал долго и тщательно и сумел переманить с предыдущих мест работы более выгодными условиями.

Какое-то время говорили ни о чем. Потом Рысин поинтересовался, что стряслось с Леной.

Александров в удивлении приподнял брови: он впервые услышал о случае в вагоне и о Лениных трудностях. Этой женщиной ему так и не удалось обладать, хотя при каждой их встрече у него мгновенно появлялось желание…

Дожевывая ломтик колбасы, Туманов с невозмутимым видом сообщил, что у нее в купе зарезали какого-то мужика. Не при ней. Она считает, что его уже мертвого «привели» в вагон. И Туманов придерживался того же мнения. Поскольку Леночка – девочка наблюдательная и весьма неплохо подготовленная.

– То есть мертвого привели в вагон? – не понял Алекс. – Как же так?..

Рысин слушал, раскрыв рот.

– А так, – пожал плечами Туманов. – Зарезали где-то доброго молодца другие добрые молодцы. Не от нечего делать, наверное. Думаю, что просто так подобный маскарад устраивать бы не стали. Но это нас не касается. Ленку коснулось, правда, но тут получилось стечение обстоятельств. Труп ведь не нам посылали? Не нам. Пусть адресаты голову и ломают.

– Все-таки, Валя, объясни, пожалуйста, как можно привести труп в вагон? – настаивал дотошный Александров. Он привык работать с цифрами и любил точность во всем.

– Одежду облили водкой или бормотухой, так, чтобы разило за версту, и под белы рученьки, как ужравшегося вусмерть друга, приволокли, раздели, уложили, извинились перед попутчиками и покинули место действия. Естественно, все в вагоне решили, что это просто пьяный мужик, до Питера проспится. Провожатые билет отдали проводнику, соседи его, конечно, не трогали и с вопросами не приставали. На подобный подход и рассчитывали.

– М-да, – пробормотал Алекс.

– А известно, кто он? Труп, в смысле, – уточнил Рысин.

Туманов записал на всякий случай имевшиеся данные. Но никогда про такого не слышал. Лена тоже. Как и Алевтина Георгиевна. Валентин Петрович даст в понедельник соответствующее задание Равилю – сейчас Кильдеев в любом случае другим расследованием занят. Только, наверное, ребята зря потратят время. Ленке просто не повезло с попутчиком.

Туманов усмехнулся.

– Слушай, а когда же его обнаружили, если она тебя на вокзал с самого утра высвистала? – не отставал Рысин.

– Труп свалился с полки среди ночи. На Ленку и еще одну тетку-бизнесменшу.

– Что за мадам? – спросил Алекс.

– О господи!.. – вздохнул Туманов. – Торгует собаками, лошадьми и лесом. Ну и бабец, хочу вам сказать, мужики. Честно признаюсь, я бы ее придушил после первой брачной ночи.

Друзья с удивлением смотрели на Валентина Петровича.

– Она вопила так, что я думал: ну, Родик у себя в Купчине услышит и прибежит спасать «бедную старую женщину», как она себя называла. Ты ведь у нас слаб по женской части – все их, стерв, жалеешь.

Мужчины расхохотались и долго не могли успокоиться.

– Так, шашлычки подошли, – заметил Валентин Петрович.

Пока Александров, ближайший из всей компании к шашлычнице, снимал шампуры, Туманов продолжал свой рассказ.

Он брал с собой на вокзал Ливанова: мало ли что? Они с ним Ленкину версию послушали, и оба с ней согласились. Менты скорее всего ни Ленку, ни эту самую «бедную старую женщину», Веру Григорьевну, больше не тронут. Старший у них – капитан, которому через год-два на пенсию, и ему уже все по фигу. Ливанов ему, по указанию Туманова, две сотни сунул «за обходительное обращение». Мент, естественно, нужный протокол составит, чтоб Ленку больше не беспокоили. В общем, все довольны, и мент больше всех, потому что и так ясно: девка ни при чем, а ему еще за то, чтоб меньше служебного рвения проявлял, «зеленых» отвалили.

– Давайте за наших доблестных стражей правопорядка выпьем, – предложил Алекс. – Чтоб им и дальше так же плохо платили, чтоб они никогда не стали похожи на американских полицейских, которые взяток не берут.

– Скорее американцы нашим уподобятся, чем наши – им, – заметил Рысин. – Ну какой гаишник, например, устоит перед дорогим сердцу каждого российского мента портретом американского президента?

Туманов предался воспоминаниям и поведал друзьям, как один ныне убиенный и очень известный в городе на Неве человек в интервью скандально известному

журналисту признался: мол, честного мента встретил лишь однажды – в сумасшедшем доме.

– Да, кстати, и Константин Павлович порадовал нас своим появлением, – заметил Туманов.

– Какой еще Константин Павлович?

– Окорок на вокзал пожаловал. Третий в купе, вернее, четвертый – это коммерческий директор окороковский, Куприянов. Раньше в каком-то отделе проектного института работал, чертил что-то. Теперь носится все время – то к поставщикам, то к покупателям. Живчик такой. С выставки торгового оборудования из Москвы ехал. Вот собралась компашка…

– Бывает, – пожал плечами Рысин. – Совпадений в жизни гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

Все опять молча принялись за шашлык.

Потом Александров предложил снова в парилку сходить, пищу переварить. А потом уже с девками за стол садиться – их как раз привезут к тому времени.

Приятели кивнули, и все трое пошли в парную.

– Кстати, мужики, – вдруг вспомнил Рысин, – я ведь тут со всеми нашими сегодняшними разговорами чуть не забыл. Ведь хотел вам в самом начале сказать…

Туманов с Александровым тотчас насторожились.

Рысин их успокоил, не стоит, мол, дергаться. Датчане какие-то новые утром факс прислали. На русском, между прочим. Хотят колбасную фабрику под Гатчиной строить. Ведь датские колбасы, сосиски и мясные орехи у нас неплохо идут, насколько известно. Вот и решили прямо на месте производство наладить. А институт тумановский на всю Европу уже прогремел как помощник иностранцев-строителей, так что они, естественно, тоже на поклон к царю-батюшке, то есть к Валентину Петровичу.

– Ну, я надеюсь, ты им скинул ответ, что мы всегда за то, чтобы помочь соседу за его твердую валюту?

– Понимаешь, Валентин…

– Олег, давай прямо, не тяни резину.

– Во-первых, они…

В этот момент дверь распахнулась, и в парную влетели три грации.

– Мальчики, – кричали грации, хотя кое-кто из «мальчиков» уже тянул на дедушку, – вы без нас соскучились? Мы приехали!

Ира, самая высокая из всех, начинавшая трудовую деятельность как фотомодель и приглашенная на постоянную работу Валентином Петровичем, тут же подлетела к Рысину, который был на голову ниже ее, но до безумия любил высоких женщин.

– Олежек, пойдем купаться! – потянула она его за руку.

Рысин с мольбой в глазах посмотрел на Туманова – бедняга разрывался между желанием последовать за длинноногой Ириной и чувством долга перед Валентином.

– До завтра дело подождет? – крикнул Туманов.

– Подождет. Но, может, еще сегодня успеем обсудить…

Ира уже вытягивала Олега из парилки.

Психологиня Света, натуральная блондинка, что в бане было особенно заметно, сразу же направилась к Алексу. Он, как обычно, выпучил глаза, не в силах отвести взгляда от ее налитого тела и грудей шестого размера.

– Пойдем, котик, покупаемся, – проворковала Света. – Мама сейчас тебе спинку потрет…

Самая младшая, Анжелика, прозванная Маркизой, остановилась перед «папой», изображая маленькую скромную девочку, прикрывающуюся веником.

– Ты меня попаришь, папа? – хлопая глазками, спросила она.

– Попарю, – кивнул Туманов.

* * *

Телохранители периодически выходили из комнаты, где стоял накрытый для них стол. Заходили то в парную, то в сауну, окунались и возвращались к себе. Они вели себя так, словно не замечали трех пар – мужчин средних лет и девиц, резвящихся у бассейна, в который теперь пустили теплую воду. Телохранители привыкли ко всему – насмотрелись за время работы на Туманова – и знали: на женщин принципалов можно смотреть, но нельзя трогать, даже если очень хочется. Но эти девицы им уже так примелькались, что воспринимались как коллеги по работе – тоже из штата Туманова и К°. В общем и целом так оно и было. Валентин Петрович любил постоянство во всем.

Вдосталь порезвившись у бассейна, Туманов, Александров и Рысин в сопровождении дам отправились к столу, где появились новые блюда и доходили очередные порции шашлыков.

Маркиза пристроилась на коленях у Туманова, Ира усадила себе на колени «малыша» Рысина, а Психологиня прижалась бочком к Алексу.

Начали с пива. Потом взялись за водку, закуску и шашлыки.

– Слушай, что ты там про датчан говорил? – повернулся к Рысину Валентин Петрович.

Олег оторвался от Ириных губ и сообщил:

– Факс сегодня пришел. Хотят фабрику строить.

Об этом компаньоны Рысина уже слышали. Ну и что? Мало к ним факсов от датчан и прочих скандинавов приходит?

– Фабрика колбасная. Под Гатчиной.

– Почему под Гатчиной? Другого места, что ли, не нашли? – пожал плечами Туманов.

Александров заметил, что уж, наверное, место не с потолка взяли. А почему именно Гатчина – у датчан узнать можно, если это так волнует Туманова.

Валентин Петрович попросил Олега Рысина продолжать.

Как обычно, потенциальные иностранные партнеры хотели, чтобы институт Туманова подогнал иностранный проект к российским условиям.

– В чем проблема? – удивился Туманов. – Подгоним.

Сам Валентин Петрович, естественно, подгонять ничего не собирался – для этого у него имелось множество специалистов, каждый из которых прекрасно знал свое дело, за что им шеф хорошо платил. Туманов же брал на себя лишь решение глобальных вопросов и определял магистральную линию. Держал в руках все нити, так сказать.

Датчанам к первому января требовалось сделать сто тридцать два чертежа.

– Сделаем, – сказал Туманов, разливая водку.

Сам Валентин Петрович даже не помнил, доводилось ли ему в техникуме, оконченном тридцать пять лет назад, что-то чертить. Бухгалтер Александров тоже ничего никогда не чертил и не представлял, чем отличается конструкторский чертеж от архитектурного.

– Боюсь, не успеем, – заявил Рысин.

Ира погладила его по голове, как гладит мама разволновавшегося мальчугана, и чмокнула в залысину.

– Да погоди ты, – сказал ей Олег Леонидович. Он слез с колен длинноногой фотомодели и сел на деревянную скамейку. Ира надула губы.

Туманов спустил с колен Анжелику, понимая, что вопрос требует решения. Алекс тут же отодвинулся от Светланы.

– Девочки, сходите искупайтесь, – приказал Валентин Петрович.

Дамы тут же молча повиновались: вымуштрованы были не хуже телохранителей и приказы выполняли беспрекословно.

– Почему не успеем? – спросил Туманов.

Рысин, оказывается, говорил с Виктором Сидоровым, начальником проектной части. Показал ему факс. Наши сидели с немецким проектом – его тоже до первого января следовало закончить. Рысин предложил Сидорову временно перейти на двенадцати-четырнадцатичасовой рабочий день или сколько там потребуется. И двойную оплату, естественно. Сидоров – мужик работящий, это прекрасно знали все трое компаньонов. И с его оравой – надо же было четырех детей нарожать! – ему всегда деньжатки кстати. Да и выпить он не дурак. Хоть ему и платят неплохо, но… Деньги никогда не бывают лишними. Однако Витька сказал, что просто физически невозможно эти два проекта потянуть, даже за тройную оплату.

– Значит, невозможно, – кивнул Туманов, уважавший Витю Сидорова и полностью доверявший ему в плане принятия проектных решений. – Надо искать другой выход. Не упускать же датские деньги?

Это было ясно всей троице. Ни датские, ни американские, ни русские деньги они никогда не упускали – по крайней мере, делали все от них зависящее, чтобы «зеленые» или «деревянные» не перекочевали в чужие карманы, а попадали в их собственные.

Александров поинтересовался, что предлагает сам Сидоров. Родион знал Витю много лет – как-никак в одном институте столько лет проработали, да и выпита была вместе, наверное, не одна цистерна «огненной воды».

Если датчане согласны перенести срок на первое марта следующего года – нет проблем. Заканчиваем с немцами – беремся за скандинавов.

Но они навряд ли на два месяца срок оттянут. Какую прибыль предприятие может наварить за такой срок?! Датчане не дураки. Они определенно готовы платить тумановским за срочность, только бы поскорее начать строительство, чтобы побыстрее запустить производство.

Александров с Рысиным молчали. Туманов снова наполнил рюмки. Все трое выпили, прожевали по огурчику. Валентин Петрович поднял глаза на Олега и поинтересовался:

– Еще какие-нибудь варианты Сидоров предлагал?

Витя мог бы нанять людей по договору – хотя бы из тумановских бывших сотрудников.

– Ты знаешь, Олег, что представляли собой наши бывшие сотрудники, – заметил Валентин Петрович. – Всех толковых мы оставили, остальные же…

Александров предложил кликнуть по другим проектным организациям. А Сидоров посмотрит, кого брать, кого нет. Все-таки Новый год приближается – людям деньги нужны. Может, каких толковых студентов последнего курса привлечь…

Туманов задумался. Потом заявил, что людей они как-нибудь найдут. Не здесь, так в Москве, не в Москве, так на Урале. И работать заставят. Деньги – великий стимул. Правда, наши люди, в особенности те, что вышли из НИИ, предпочитают ничего не делать и мало получать. Чудаки, разумеется… Для Туманова и его компаньонов психология таких научных сотрудников всегда оставалась загадкой.

– Вспомните, мужики, – заговорил Рысин, – как обстояли дела в нашем родном институте до того, как власть перешла к нам. Основная масса штаны и юбки просиживала. Женщины днем по магазинам бегали, мужчины в бильярд резались.

– В понедельник с утра вызову Ленку, – сказал Туманов. – Какая у нас там разница с Данией?

– Два часа, – подсказал Рысин.

– Датчане, наверное, начинают в восемь… У нас это десять. Ленке скажу, чтобы к одиннадцати нарисовалась. Позвоним, точно выясним обстановку, дадим принципиальное согласие.

Туманов снова разлил по рюмкам водку.

– За успех датского проекта! – поднял он рюмку.

Мужчины чокнулись и выпили.

Валентин Петрович крякнул. Александров по старой привычке поднес согнутый палец к носу. Рысин, усмехаясь, спросил:

– Помните, как в молодости рукавом занюхивали?

– А как по рублю скидывались, и хватало и на бутылку, и на плавленый сырок?

– А «Столичная», вот эта самая, родимая? – Туманов взял в руки бутылку. – Три десять стоила. Вы представляете: три рубля десять копеек…

– А коньяк за четыре двенадцать помните, мужики? И какой коньяк был! Не эта французская дрянь, которую теперь пьем, – заметил Александров.

– Эх, были времена…

На следующий день, с утра, все трое собирались занять «боевые посты». Каждый свой участок. Туманов сообщил друзьям, что дал задание службе безопасности заняться телефонами, которые Лена из Москвы привезла. С утра с ними и начнут разбираться.

Александров спросил, что за телефоны имеет в виду Валентин Петрович.

– Из записной книжки шведа-«металлиста».

И пока неизвестно, удастся ли раскопать что-нибудь интересное. Там были номера и фамилии, чаще просто имена и разные коды. Туманов их бегло просмотрел – есть Белорецк, есть Верхнеуральск, есть Таллин, ну и питерских, конечно, в достатке.

– Где хоть эти города-то находятся? – поинтересовался Алекс. – На Урале, что ли?

Валентин Петрович посмотрел по карте: Магнитогорск не так уж далеко, а это уже наводит на определенные размышления.

Сам же швед рта не раскрывал. Партизан какой-то попался. Более того: девочке все вопросы задавал. Ленка чертыхалась и поносила его на чем свет стоит. Пришлось снотворного в любимую скандинавом русскую водку добавить. Пока он спал, Ленка и пошукала по его вещам. Кроме записной книжки, ничего любопытного не нашла. Да и с ней, говорит, повозилась изрядно.

– То есть? – не понял Рысин.

– Пока пароль подбирала.

Рысин все равно не понимал: он уже захмелел и плохо соображал.

– Электронная у шведа записная книжка, – объяснил Родион, который тут же «въехал» в тему. – До информации можно добраться, только зная пароль. Лена добралась, как я понимаю? – обратился Александров к Валентину Петровичу.

– Зря мы, что ли, в девочку столько вложили? Чтобы наша Леночка да не добралась? Теперь пусть другие поработают.

– Ты ее на понедельник вызовешь? – уточнил Рысин.

– Пусть отдохнет завтра и послезавтра, – сказал Валентин Петрович. – После всех-то переживаний…

Друзья закивали.

– Давайте за красивых женщин выпьем, – предложил Александров. – Да и девчонки, наверное, уже у бассейна заскучали.

– На такой тост и они подключатся, – заметил Рысин и крикнул: – Красавицы! Присоединяйтесь к нам!

Дверь тут же распахнулась, и влетели Света, Ира и Анжелика. Девушки заняли места рядом с мужчинами.

– Пьем за красивых женщин, – сообщил Александров, поглаживая Светино бедро.

Рысин нырнул под мышку Ире.

Туманов наполнил шесть рюмок и обнял Анжелику.

– За милых дам!

Глава 5

В десять утра в субботу Валентин Петрович уже сидел в своем кабинете в огромном черном кожаном кресле. Напротив устроились двое: бывший старший лейтенант милиции, ныне начальник службы безопасности Туманова Равиль Кильдеев по кличке Татарин и бывший сотрудник Комитета, а ныне заместитель Кильдеева Игорь Серафимович по кличке Серафим. С предыдущих мест работы

парни уволились по собственному желанию, появившемуся после знакомства с Валентином Петровичем, обещавшим и теперь плативший им в несколько раз больше, чем государство, на которое они раньше честно трудились.

На государственной службе ребята приобрели определенные навыки, которые постоянно совершенствовали, работая на Туманова и К°. Благодаря своим старым связям и при помощи «зелененьких» и «деревянных», выдаваемых Тумановым на служебные расходы, они добывали нужную информацию.

Именно Равиль с Игорем всегда занимались телефонными номерами, адресами и фамилиями, выуженными Леной у клиентов.

– Ну? – спросил Туманов, переводя взгляд с Серафима на Татарина.

Равиль приступил к отчету. По Верхнеуральску и Белорецку они могли пока дать только фамилии, имена и отчества тех, на кого эти телефоны зарегистрированы.

Равиль положил на стол Туманова лист с компьютерной распечаткой. Валентин Петрович бегло просмотрел распечатку и отложил в сторону.

– А поподробнее? – спросил он.

Ребята уже звонили Петру в Магнитогорск. У него есть хороший контакт в Белорецке. Кильдеев попросил на всякий случай проверить и «Уралсталь». Господа Альмашинский Арнольд Янович и Лавров Гурий Акилович из Белорецка в списке работающих на «Стали» не значились и вроде бы никогда там не трудились.

– Что значит «вроде бы»?

– Во всяком случае, в компьютерной базе данных нет, – пожал плечами Равиль. – Петр через свои связи в Белорецке на месте попытается выяснить, кто такие эти Альмашинский и Лавров и с чем их едят. Дальше уже решать будем.

Туманов кивнул.

– А с Верхнеуральском что?

С Верхнеуральском оказалось сложнее: там у Равиля не было человека типа Петра, а у самого Петра – никаких контактов. Бывший сотрудник правоохранительных органов Равиль Кильдеев попросил одного своего приятеля – он у Туманова на дотации – сделать запрос по номеру некоего Яна. К сожалению, без фамилии. У этого шведа вообще в большинстве случаев одни лишь номера и имена значатся. Как только что-то придет – если придет, – сразу же сообщит.

Петр обещал выйти на связь в понедельник вечером. Туманов же сказал, что особой срочности нет.

– Что с Таллином? – спросил Валентин Петрович.

Один человек – из таможни, значится у тумановской службы безопасности в компьютере. Двое – из пароходства, тоже свои люди, в том смысле, что помогают команде тумановских оформлять грузы. Четвертый – портовый служащий. Тумановские с ним раньше сотрудничали, потом отказались: деньги берет со всех, но в любой момент готов продаться тому, кто больше даст.

Туманов снова кивнул.

– А как обстоят дела в нашем прекрасном городе на Неве?

Здесь пришлось заниматься только двумя телефонами. Остальные – телефоны Валентина Петровича, Ленины… ну, в общем, тумановской фирмы.

– Но и в нашей фирме могут оказаться лишние, – заметил Туманов. – Никогда не знаешь, когда у тебя вдруг появится «подснежник». Надо постоянно быть начеку.

– Не волнуйтесь, Валентин Петрович, – сказал Равиль. – Мы все проверили. Наши телефоны – только те, которые должны быть. Два оставшихся – банкиры из «Инвест-Девелопмент».

– Что?! – воскликнул Туманов.

Валентин Петрович терпеть не мог владельца «Инвест-Девелопмент»; и тот отвечал ему взаимностью. Казалось, что они стали конкурентами чуть ли не с рождения. Видимо, силы их постоянно оказывались примерно равными, потому что чаша весов склонялась то в сторону Дмитриева, то в сторону Туманова. Оба имели подпольные цеха еще в 90-х, оба быстро сориентировались в изменившейся обстановке, резко пошли вверх и так наверху и оставались. Они, так сказать, являлись представителями новой волны и терпеть не могли старых авторитетов уголовного мира. По обоюдному согласию, достигнутому после долгих часов переговоров, многочисленных «стрелок», разборок и определенного количества смертей рядовых боевиков, они наконец поделили сферы влияния и до сих пор сохраняли перемирие, не мешая, но и не помогая друг другу. И у Дмитриева, и у Туманова имелось примерно равное количество фирм и фирмочек, а значит, и по деньгам они были равны, как и по количеству бойцов «службы безопасности». В противном случае слабейшему давно пришлось бы подвинуться…

И управляющий, и его заместители в «Инвест-Девелопмент» были людьми наемными. Александров, возглавлявший «Купчинский кредит», являлся совладельцем всех предприятий Туманова – и, естественно, работал с усердием и рвением. Дмитриев, как и Туманов, создал целую империю. Концерн Прокофия Васильевича, кроме банка, включал завод по производству метизов – следовательно, его, как и Туманова, интересовал металл. Правда, Туманов этот самый металл сам не использовал в производстве – такого у него не было и в обозримом будущем не планировалось. Валентин Петрович металл продавал за рубеж, и шел он, как правило, из Череповца в Китай. Только вот недавно нарисовался некий Томас Юханссон с очень интересными предложениями по катанке. Первые две поставки прошли без сучка без задоринки. Но Валентина Петровича дурное предчувствие все равно не оставляло. Если цена почему-то оказывается ниже средней, причем значительно ниже, то где-то непременно зарыта собака. Вот и показался клык – Прокофий Васильевич собственной персоной. Вернее, телефонов Дмитриева в записной книжке Юханссона не значилось, но его люди были, а это, как решил Туманов, по большому счету, одно и то же.

После того как принципиальное решение по разделу сфер влияния было принято, они, конечно, иногда встречались лично, обсуждали какие-то вопросы, но обычно все решалось на более низком уровне: для этого и у Туманова, и у Дмитриева имелись и бригадиры, и специалисты различного профиля. Валентин Петрович и Прокофий Васильевич были схожи в том, что оба сразу же потянулись к легальному бизнесу. Они одними из первых отмыли грязные

деньги, вложили их в банковское дело, торговлю и производство. Теперь их считали удачливыми бизнесменами, находящимися в ладах с законом. Но навсегда избавиться от прошлого весьма непросто…

Они объединили силы лишь однажды – против общего врага, вора в законе со странной кличкой Чепчик. Чепчик захотел подмять под себя и Туманова, и Дмитриева. По отдельности он, наверное, смог бы их одолеть и подчинить себе, но они сделали то, на что Чепчик, ныне в очередной раз находящийся в местах не столь отдаленных, никак не рассчитывал: пошли против него одной командой.

Ребята Чепчика выкрали вторую жену и четырнадцатилетнюю дочь Туманова, чтобы заставить его платить дань в воровской общак. Валентин Петрович до сих пор не мог без содрогания думать о том, что пережили его родные… Он больше не женился, решив, что лучше не иметь никаких привязанностей: тогда ни у кого не будет средств давления на тебя. С первой семьей он контактов не поддерживал уже много лет, так что шансов врагам не оставлял.

Ему прислали видеозапись изнасилования жены и дочери. Один боевик сменял другого. Дочь в итоге скончалась. Жена долго лечилась, но так и не отошла от пережитого и в один из моментов просветления оставила Валентину письмо, объяснив, что не может больше смотреть ему в глаза, не может больше терпеть и хочет на небеса, к Риточке… Аня выбросилась из окна. И хотя они жили на третьем этаже, все же разбилась насмерть – ударилась головой об асфальт.

Вот тогда, переступив через себя, Туманов пошел к Дмитриеву и предложил объединиться… Прокофий согласился сразу же, что несколько удивило Туманова, но Дмитриев объяснил: он не хочет, чтобы с его семьей случилось то же, что с семьей Туманова. И Валентин Петрович навсегда запомнил слова Прокофия: «Я могу послать своих мальчиков, чтобы убрать конкурента, могу проучить несговорчивого чиновника, показать ментам, что у меня все равно больше власти и возможностей. Тебя бы, Валя, я придушил голыми руками, правда, тогда жизнь стала бы менее интересной: соперничество с тобой стимулирует меня; но я считаю, что ни жены, ни тем более дети не должны становиться жертвами разборок из-за деяний их отцов и мужей. Найди экономические методы давления, самому конкуренту паяльник в задницу всади – но дочь его не трогай. Если бы Чепчик тебя пытал, Валя, я тебе честно скажу: позлорадствовал бы я, как и ты, не сомневаюсь, если бы я оказался у его орлов. Но за то, что он с женщинами твоими сделал – именно с ними, учти, не потому

что у тебя сейчас в сердце незаживающая рана, – я согласен на временное сотрудничество. Может, я слишком сентиментален. Но… у каждого своя слабина. Честно скажу: если бы ты не пришел ко мне, я сам бы предложил тебе объединиться. Порознь мы ничего не сможем сделать. Нет, сделаем, конечно, но полностью не разобьем общего врага, а вместе мы – сила…»

Кое-кто из команды Чепчика потом перекочевал к Валентину Петровичу, несколько ребят осели у Прокофия Васильевича. До последнего времени они не перебегали друг другу дорогу, и вот оказывается… Или еще рано бить тревогу? Может, хитрый швед надувает всех подряд и Дмитриев до сих пор пребывает в полном неведении, как и несколько минут назад Туманов? Но нельзя исключать варианта, что все делается с его санкции и при полном одобрении и следующая поставка металла может привести его к… Только вот к кому?

Раздел сфер влияния никогда нельзя считать окончательным. Многие заинтересованы в их переделе. На арене постоянно появляются новые люди, недовольные тем, что им не осталось сладкого кусочка… Да и честолюбивый Прокофий не должен бы остановиться на достигнутом. Святое дело – убрать с пути конкурента; причем самому же интереснее сделать это не руками профессионального киллера, потому что пулю человеку в лоб пустить проще всего, да и стоит не так дорого – по меркам Туманова и Дмитриева, – а просчитать хитрые ходы, долго выслеживать дичь с азартом профессионального охотника… Охотиться же, насколько знал Валентин Петрович, Дмитриев любил, даже в Южную Африку специально за этим делом летал.

Валентин Петрович поднял глаза на Равиля и Игоря. Парни молча сидели и ждали, когда шеф переварит полученную от них информацию.

– Чьи именно телефоны из «Инвест-Девелопмент»? – спросил Туманов.

– Седых Святослав Алексеевич, один из замов управляющего. И Жировецкий Павел Владиленович, начальник кредитного отдела. У обоих – рабочие, личные, домашние и мобильные. Плюс номер факса в кредитном отделе.

Туманов сидел, раскрыв рот. Увидев выражение лица шефа, Равиль с Игорем одновременно спросили:

– Вы их знаете?

– Да. То есть нет. Черт побери! – взревел Туманов, ударив кулаком по столу. – Кто?..

Валентин Петрович вытер пот со лба и попросил Игоря достать из бара коньяк.

Игорь встал, взял бутылку и стакан, наполнил его до половины и протянул шефу. Ни себе, ни Равилю он не наливал: оба находились за рулем.

Туманов выпил залпом и жестом попросил налить еще. Что Игорь и исполнил. Валентин Петрович принял вторую дозу, утер губы рукавом пиджака за полторы штуки баксов, посмотрел на ребят и сообщил, что Жировецкого вчера убили. Вернее, позавчера. Это его труп ехал вместе с Ленкой из Москвы.

– Труп точно опознали? – спросил Равиль.

– Не знаю, – ответил Туманов.

– Тогда откуда вам известно, что это был Жировецкий?

В кармане пиджака покойника лежал паспорт. Ливанов записал фамилию и имя и сообщил Туманову. Алевтина, которая, кажется, всех помнила, сказала, что ни разу про такого не слышала. Как и Лена с ее прекрасной памятью. Сам Валентин Петрович планировал дать Равилю задание – поинтересоваться этим самым Жировецким в понедельник – решил, что записная книжка шведа гораздо важнее.

Ни Лена, ни Алевтина Георгиевна не могли его знать. Как заметил Игорь, Жировецкий возглавлял кредитный отдел банка, с которым Туманов не поддерживает никаких связей. Если, конечно, можно говорить о Жировецком в прошедшем времени.

– То есть? – не понял Туманов.

Фотографию в паспорт вклеить – не проблема. Жировецкий сейчас может преспокойно кататься на лыжах где-нибудь в Швейцарии, снимая денежки с номерных счетов. Или загорать на Канарах, или охотиться в Кении. Ни Туманов, ни Кильдеев, ни Серафимович не знают точно, что это труп Жировецкого. И Лена

его ни разу в жизни не видела и вообще не представляет, кто это такой.

Туманов покачал головой.

– Я прямо сейчас позвоню по своим каналам и выясню, провели ли точное опознание, – сказал Равиль. – Жена, мать, банковские – кто там еще был у этого Павлика? Правда, это тоже не дает полной гарантии. Будем искать фотографию настоящего Жировецкого и дадим Ленке. Так надежнее.

Туманов кивнул.

– Лена вам сегодня нужна? – спросил он.

Равиль с Игорем переглянулись.

– Пожалуй, нет. Сегодня мы навряд ли раздобудем снимок, – сказал Игорь.

Но Равиль хотел бы лично ее выслушать: как его «привели», кто, как он свалился?..

Туманов набрал Ленин домашний телефон. Трубку снял девятилетний Вовчик.

– Здравствуй, Вова, это дядя Валя, – поздоровался Туманов. – Как дела в школе?

– Хорошо. Вчера две пятерки получил. Маме подарок после командировки.

– Молодчина. А мама уже встала?

– Да, сейчас позову.

Лена взяла трубку.

– Доброе утро, Валентин Петрович.

– Для кого утро, для кого давно день, спящая красавица. Как самочувствие? Кошмары не снились?

– Да нет, шеф, – усмехнулась Лена. – Я к встряскам привычная. Как раз рутину не люблю.

– Мать, я ведь не только справиться о твоем здоровье звоню…

– А я-то размечталась! Думаю, какой у меня начальник заботливый. Ан нет – в своем стиле.

Лена посмеялась и спросила деловым тоном, не случилось ли чего.

Всего, что случилось, Туманов пока не знал и сам. Вернее, может, и знал, но не мог «завязать все узелки». Туманов точно знал, что труп из вагона – человек Прокофия. Начальник кредитного отдела «Инвест-Девелопмент».

Лена присвистнула.

– Но мы не уверены, что это был Жировецкий, – продолжал Валентин Петрович. – Сейчас у меня сидят Равиль с Игорем, они поработали над телефонами из электронной книжки Юханссона, он там есть. Меня как обухом по голове шарахнуло. Только ребята говорят, что паспорт в кармане еще ничего не значит…

– Все правильно, – согласилась Лена.

Туманов сообщил, что Равиль просит с ней свидания, и поинтересовался ее планами на ближайший вечер.

Лене только что звонила Вера Григорьевна – попутчица из филиала морга в «Красной Стреле», приглашала вечером к себе вместе с Вовчиком. У нее внук на год младше. Лена согласилась, но, естественно, может отказаться – работа прежде всего. И Вера, кстати, это прекрасно поймет.

Туманов задумался.

– Вот что, – сказал он наконец. – С Равилем ты и завтра встретишься. Поезжай-ка к этой самой Вере. Она нам может очень пригодиться. Это во-первых. А во-

вторых – не исключай варианта, что ты зачем-то нужна ей.

Лена пыталась возразить, сказала, что они просто друг другу понравились, ведь могло же такое случиться…

Туманов заметил, что Лена наивной никогда не была, вернее, когда-то была, но в своей прежней жизни. Совпадений случается, конечно, много, но все ли они случайные? Человек Прокофия, вернее, его труп, оказывается с ней в одном купе. И вдруг к ней в доверие втирается неизвестная ранее тумановским мадам, которая, кстати, Лене в матери годится. Какие они, к черту, подруги? Ни с того ни с сего приглашает Лену к себе. Туманов вообще считал, что у Вериного подъезда должны дежурить две укомплектованные машины, пока они там с Вовчиком будут отдыхать…

Лена спросила, надеть ли ей специальный сигнальный медальон.

– Да, конечно. На телефонный звонок времени может просто не оказаться. А его ты быстро сломаешь… Кстати, вы на сколько договорились?

– На шесть. Она живет на Наличной.

– Ты сказала, что сама за рулем или…

– Нет, пить будем. На тачке.

Туманов решил, что Лену отвезет Равиль. Как раз по пути и пообщаются, пока из Купчина на Васильевский поедут. А когда домой Лена соберется – опять Равиля высвистает. Остальные же водители на месте сориентируются, где встать. Туманов попросил вытянуть побольше из этой самой Веры свет Григорьевны…

– Не волнуйтесь, шеф. Сами готовили по высшему разряду.

Туманов рассмеялся.

– Еще вопросы есть? – спросил он.

– Раз уж вы вдруг стали Веру подозревать, кто собирается заняться нашим третьим попутчиком? Тем, который Сергей…

– Вот идиот! – Туманов хлопнул себя ладонью по лбу.

– Забыли про него, Валентин Петрович? А меня вечно ругаете…

– Да уж прости меня, старика. Не могу все в голове удержать, как в молодые годы, – улыбнулся Валентин Петрович. – Швед меня, честно говоря, гораздо больше волнует, но дам сейчас ребятам задания, дам, не волнуйся. А ругаю я любя, ты же знаешь. Равиль будет у тебя в пять.

Туманов посмотрел на Кильдеева. Тот кивнул.

– Он в квартиру поднимется? – уточнила Лена.

– Да, – кивнул Равиль.

– И будь осторожна, девочка, – предупредил Туманов.

Валентин Петрович повесил трубку, внимательно посмотрел на Татарина и Игоря и приказал задействовать все резервы. Проработать Жировецкого, Седых, Окорока, Куприянова и Веру Григорьевну со всеми ее многочисленными помощниками. С каждой минутой Туманову это дело нравилось все меньше.

– Есть! – по-военному ответили орлы и встали.

Когда они вышли из кабинета, Туманов налил себе еще коньяку, откинулся на спинку кресла и принялся пить янтарную жидкость маленькими глотками, в задумчивости уставившись в одну точку.

* * *

В то же самое время Олег Леонидович Рысин общался по телефону с Витей Сидоровым. Витя недавно проснулся и отходил после вчерашнего.

Когда Рысин позвонил в первый раз, жена Сидорова, решив, что это кто-то из собутыльников мужа (что соответствовало действительности), довольно грубо ответила:

– Не проспался еще. Вчера сам себя превзошел. Сегодня из дома не выпущу.

Она уже собиралась повесить трубку, когда Рысин представился вице-президентом «Сапфира».

– Ой… – сказала жена. – Простите, я подумала, что его опять приятели вызванивают. Уже один тут сегодня заходил – за пивком к ларьку приглашал.

– Простите, как ваше имя-отчество?

– Да просто Ольга.

Рысин попросил сказать Вите, чтобы позвонил ему на работу, когда встанет. Ольга предложила растолкать мужа. Такой срочности у Олега Леонидовича не было, но ему требовалось, чтобы Витя обязательно сегодня с ним связался.

Рысин повесил трубку и принялся за подготовку ответного послания датчанам. После разговора с Сидоровым оно, конечно, будет несколько изменено и дополнено, потому что Витя задаст конкретные вопросы, но в общем и целом подготовить «болванку» следовало. В понедельник с утречка Лена все переведет на датский. Раз уж вы нам на русском запрос прислать постарались, то и мы в грязь лицом не ударим, не на английском, как обычно наши фирмы в Скандинавию факсы шлют, а на вашем на родном отправим. Тоже не лаптем щи хлебаем.

Туманов не утруждал себя такой мелочью, как ответы на послания партнеров и заказчиков. Это входило в обязанности Рысина, которому из всей троицы приходилось выполнять больше всего черновой работы, но он не обижался, поскольку понимал: его приятели мыслят глобально, а он – их помощник, без которого им, однако же, не справиться. Кто-то должен их иногда опускать на грешную землю, прорабатывать детали, на которые у Вали с Родиком времени просто нет. Этим и занимался Рысин.

Александров просчитывал проекты, Туманов их «запускал». Рысин же проверял мелочи, иногда подкидывал идеи.

Вскоре примерный вариант ответа был готов. Рысин подумал, что лучше вначале ответить факсом, а потом, через несколько часов, позвонить и переговорить с кем-то из руководства фирмы «Уффе».

Сидоров проснулся в половине двенадцатого.

– Ну что, тяжко после вчерашнего? – спросил Рысин, услышав хриплый Витин голос.

Сам Рысин чувствовал себя прекрасно. Здоровьем он обладал отменным, а после вечерних пьянок наутро никогда не опохмелялся. Пил очень крепкий кофе, взбивал три яичка всмятку со сливочным маслом – по рецепту своего отца, крупного специалиста по части избавления от похмельного синдрома, принимал холодный душ и мог ехать на работу и переделать кучу дел, провести массу встреч, и никто бы не догадался, что в первый момент после пробуждения Рысину вспоминался Высоцкий: «Ой, где был я вчера…»

– Как всегда, – ответил Витя. – Сейчас пивка попью, и полегчает. Тебе первым делом звоню. Чего стряслось-то?

– Вить, ты в состоянии до института добраться?

– С радостью, – ответил Сидоров.

Рысин помолчал секунду-другую, а потом сообразил, что Витя, наверное, уже получил дома хорошее «вливание», да и Олегу Леонидовичу Ольга заявила, что сегодня Витю из дому не выпустит. А Сидорову, естественно, хотелось пробежаться за пивом. Вызывают на работу – прекрасный повод вырваться из дому. В том, что Виктор приедет в институт, Рысин не сомневался – вот только доберется ли он потом домой? А если доберется, то когда? Но это уже были проблемы семьи Сидоровых.

– Вить, мне нужно твоей женке подтвердить, что ты в самом деле на работу едешь?

Сидоров задумался.

– Если что, я перезвоню, – сказал он наконец.

Виктор действительно перезвонил минут через десять. И тут же трубку взяла его жена.

– Олег Леонидович?

– Да, это я, Олечка. Витя ваш нам здесь очень нужен. Датчане новый проект заказывают. Ответ необходимо дать с самого утра в понедельник. А ваш Витя у нас – лучший специалист. Никто, кроме него, быстро не сообразит, какие вопросы им задать. Я вот над ответом скандинавам бьюсь. Витина помощь нужна.

Ольга не была уверена, что это Олег Леонидович мужа вызывает. Подозревала, что опять кто-то из собутыльников. Она попросила Олега Леонидовича проследить, чтобы муж хоть на работе не пил.

Рысин, не кривя душой, ответил, что Витя ему самому трезвый нужен, и обещал прислать за ним машину, а потом отвезти обратно.

Сидоров снова взял трубку, чтобы договориться о времени.

* * *

Витя прибыл вместе с пожилым Иваном Денисовичем, бывшим интуристовским шофером, которому Лена, помня все хорошее, что он для нее сделал, пока она работала гидом, помогла устроиться после выхода на пенсию в гараж «Сапфира». Иван Денисович занимался мелким ремонтом машин сотрудников и иногда выполнял функции шофера. Мужик он был работящий, приветливый и доброжелательный. Его любили и руководство, и рядовые сотрудники. Сам же он по старой памяти предпочитал возить свою любимую Леночку, что частенько и делал, когда она в очередной раз сопровождала иностранцев. Обычно же Лена сама садилась за руль и уже успела сменить несколько машин. Начинала с «восьмерки», потом была «Ауди-100», теперь ездила на «пятерке» «БМВ».

Рысин, услышав за дверью смех Ивана Денисовича и Сидорова, встал из-за стола, чтобы их встретить.

Мужчины пожали друг другу руки.

Олег предложил Ивану Денисовичу посидеть в кабинете.

– С удовольствием, а то чего-то в гараже сегодня никого нет. Заскучал я, ребятки.

– По кофейку? – предложил Рысин.

Сидоров с Иваном Денисовичем кивнули.

Рысин включил кофеварку «Филипс».

– Ну, расскажите, чего это вы так веселились? – спросил Олег. – Я тут бьюсь над посланием турецкого султана датским проектировщикам, а вы ржете как лошади.

– Вить, – повернулся к Сидорову старик, – ты уж и Олежика повесели. Я-то от души посмеялся. – Иван Денисович взглянул на Рысина и добавил: – Витя мне про свои вчерашние приключения рассказывал.

Рысин вопросительно посмотрел на Сидорова, имевшего обыкновение попадать по пьянке в разные забавные истории, о которых потом, умея посмеяться над собой, рассказывал друзьям. А раз его Ольга с Рысиным сегодня с утра не очень-то церемонилась, значит, вчера Витя выкинул очередной фортель.

В общем, возвращался Сидоров домой из бани. Пятница – банный день, святое дело. А у Витиного дома за вчерашний день котлован выкопали. Поразительно – как это за один день такой раскопать успели? Но у нас раскапывают быстро, а вот закапывают… Причем котлован был с водой. Вернее, даже два котлована. Или один, но с дорожкой посередине. Оставили для пешеходов. Идешь как бы через мост над рекой. Скользковато, правда, и перил нет. Фонари, конечно, тоже все разбиты. Идет себе Витя спокойненько домой, идет – и тут качнуло его в сторонку. То ли ветер задул, то ли поскользнулся… Не помнит уже. И свалился

он в эту водичку.

– В котлован, что ли? – спросил Рысин, с трудом удерживаясь от смеха.

Сидоров кивнул.

Вода холоднющая. Но Вите на пользу пошло: протрезвел сразу же. Дома его, естественно, принимали без особой ласки. Хотя он специально в парадняке постоял, чтобы вода с него стекла. Лужа перед лифтом внушительная осталась.

Рысин с Иваном Денисовичем переглянулись и расхохотались.

Звонит Витя в дверь. Старший сын открывает и видит отца всего в глине – он же не в дистиллированной воде плавал…

Супруга кричит из кухни: «Я только что полы вымыла, сними ботинки на лестнице, небось все в грязи после того, что у нас во дворе развели». Сын на отца смотрит и матери орет: «Папа весь в грязи». Ольга вылетает из кухни и видит мужа… А она еще утром предупреждала, чтобы он новое пальто на подстежке не надевал, в куртке шел, а Витя надел… Ой, что было…

– То-то она и со мной по телефону без особого энтузиазма разговаривала, – заметил Рысин.

Сегодня Ольга Витю никуда отпускать не хотела, чтобы опять не свалился. Но работа – святое дело.

– Ну повеселил, Витя, – улыбался Рысин. – Хоть посмеялись от души, а то одни проблемы и головная боль.

– Что случилось-то? – спросил Иван Денисович.

– А все время что-то случается, – пожал плечами Рысин. – Но ничего такого, с чем нельзя разобраться. Вот сейчас вместе с Витей надо обмозговать ответ датчанам – какая нам нужна информация в первую очередь?

– Шеф когда в Данию собирается? – деловым тоном спросил Сидоров. – Или скандинавы к нам?

Этого Туманов еще не решил. Лене в понедельник им звонить предстояло.

– Меня, конечно, к скандинавам не пошлют, – усмехнулся Сидоров.

Рысин тут же вспомнил, что Витя с одним здоровенным финном – Тепо, или Терхо, или как там его? – в Хельсинки учудил и как Туманову вместе с Хаапалой, его финским партнером, своих подчиненных из полицейского участка вызволять пришлось.

– Вы хоть на каком языке тогда говорили? – спросил Олег Леонидович у Вити. – Ведь финн по-русски, кажется, кроме «водка» и «мать твою», ничего не знает, а ты у нас тоже специалист лишь по родному – блатному и матерному.

– Общались как-то, – пожал плечами Сидоров. – И прекрасно друг друга понимали.

Иван Денисович усмехнулся в усы. Рысин тоже улыбнулся.

– Витя, прочитай факс датский еще раз, – попросил Олег Леонидович. – Туманов дает согласие, на нас с тобой ложатся детали. Тебе велено подобрать кадры.

– Кого? – в один голос спросили Сидоров и Иван Денисович.

– В общем, так… – начал Рысин.

И изложил сидящим у него в кабинете мужчинам суть идеи Туманова. Уяснив, что ему предписано подобрать персонал, Сидоров почесал в затылке.

– Короче, – закончил объяснения Рысин, – за проект беремся. Ты должен найти людей, чтобы были готовы приступить к работе со следующего понедельника. За результат, естественно, отвечаешь ты. Кого-то из новых можешь перебросить на немцев, чтобы наши постоянные высвободились для датчан. В общем, все на твое усмотрение.

Хоть Сидоров и был человеком пьющим, но работать умел, работу любил и, когда работал, ни капли не пил. Но вот потом мог себе позволить – и немало. Туманов и компаньоны давно убедились: ему можно доверять. Поэтому полностью на него полагались.

– Новым предлагать по пять лимонов на нос за эти полтора месяца? – уточнил Сидоров.

– Да, – кивнул Рысин. – Насчет премиальных посмотрим. Нашим, конечно, обязательно. А тебе…

Сидоров махнул рукой.

– Олег, то, что мне заплатите, у меня сомнений не вызывает. И не спрашиваю сколько. Сейчас не в том дело. Успеть бы…

– Боишься, что не удастся?

Сидорову требовалось точно знать объем работ: от этого зависело, сколько человек приглашать. По врученной ему бумажке – Сидоров кивнул на факс – он судить не мог. У датчан уже сделан какой-то объем работ или нет? Эти сто тридцать два чертежа, о которых идет речь, наши должны с нуля делать? Или датчане дадут свои, а наши должны их исправить в соответствии с российскими нормами? Сидорову требовалась точная информация.

Рысин достал листок бумаги и ручку и протянул Вите.

– Пиши список вопросов – все, что придет тебе в голову. Лена в понедельник переведет, и сбросим по факсу в Копенгаген. Но насчет людей начинай думать уже сегодня. Может, с кем и переговоришь за выходные. Нам нужно, чтобы проект был готов к Новому году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zhukova-gladkova_mariya/mesta-bez-poceluev

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить